

Александр
Быков

Майор государственной
безопасности

Историческая Сага

Александр Быков

**Майор Государственной
безопасности**

ООО ЦКИ "Пава"

2025

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

Быков А. В.

Майор Государственной безопасности / А. В. Быков — ООО
ЦКИ "Пава", 2025 — (Историческая Сага)

ISBN 978-5-88459-122-6

Роман «Майор Государственной безопасности» посвящен событиям 1937-40 гг. В Вологодскую область назначен новый начальник НКВД С.Г. Жупахин, который реализует политику партии в области борьбы с «врагами народа». Под репрессии попадают разные люди: бывшие белогвардейцы, кулаки, национальные группы, социально чуждые советской власти элементы и огромное количество ни в чем не повинных людей, обвиненных в преступлениях ради выполнения плана по пресловутым «категориям». Работают органы внесудебной расправы. Расстрелы приговоренных, стали жуткой обыденностью того времени. После снятия с должности наркома НКВД Ежова в конце 1938 г. прошли «чистки» среди чекистов, наиболее активно воплощавших политику террора. Был арестован вместе с другими и позднее приговорен к высшей мере и С.Г. Жупахин. Это не было актом социальной справедливости по отношению к невинно осужденным. Система избавилась от наиболее одиозных фигур. Впрочем, роман не только об этом, он о Вологодском крае и его жителях, судьбах разных людей. Главный герой И.П. Смыслов, работает в милиции, борется с уголовной преступностью. После ареста Жупахина принимает предложение о переходе в органы Госбезопасности, чтобы помочь разоблачению «ежовщины». Для всех, кто интересуется русской историей.

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

ISBN 978-5-88459-122-6

© БЫКОВ А. В., 2025
© ООО ЦКИ "Пава", 2025

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Быков
Майор Государственной безопасности
исторический роман

© Быков А. В., 2025

© Оформление. ООО «ЦКИ Пава», 2025

* * *

Часть 1

Глава 1

Первого мая 1937 года в Ленинграде был устроен грандиозный парад в честь юбилейного празднования Дня международной солидарности трудящихся. Было много народа. Колонны предприятий, шествовавшие по площади Урицкого, бывшей Дворцовой, сменяли одна другую. Отдельной колонной на параде шли ленинградские милиционеры, защитники закона и порядка, в белых кителях, шлемах, начищенных до блеска сапогах. Новая, введенная только что форма одежды, чеканный шаг.

– Да здравствует рабоче-крестьянская милиция! Ура, товарищи!!!

На трибуне проходящие колонны приветствует руководство города, партийные и советские работники. Среди них на почётном месте стоял плотный мужчина в форме с тремя ромбами в петлицах – Сергей Георгиевич Жупахин. Ромбы говорят о многом. Жупахин носит высокое звание инспектора милиции, равное командиру корпуса в армии и комиссару государственной безопасности третьего ранга в органах внутренних дел. Генеральская должность, если по-старому, хотя старые должности и отменены.

Время от времени к нему подходили поздороваться разные люди – и в форме, и гражданские. Жупахин улыбался: настроение по случаю Первомая у него приподнятое.

Сергей Георгиевич – гроза преступного мира бывшей столицы. Одно наименование его должности внушало преступникам ужас: начальник Управления рабоче-крестьянской милиции Управления НКВД по Ленинградской области. На груди под шинелью у него три наградных знака: два – «Почётный работник ВЧК-ОГПУ» с латинским литерами «V» и «XV» и недавно полученный знак «Почётный работник рабоче-крестьянской милиции». И это еще не всё, Жупахин представлен к ордену «Красная Звезда» за успехи в ликвидации преступности, но документы о награде где-то в пути. Ничего, награда найдёт героя.

Была и ещё одна важная должность в биографии товарища Жупахина. В апреле месяце он был назначен приказом по НКВД помощником начальника 2-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

За несколько дней до 1 мая он получил еще одно звание – майор государственной безопасности НКВД. Милиция тоже была в составе НКВД, но управление государственной безопасности занималось более значимой работой: разоблачало врагов народа, двурушников и агентов империалистических разведок – это вам не какие-нибудь уркаганы.

Пока он во главе милиции, можно носить генеральские знаки отличия. Что будет потом, пока не известно. Перспективы перед Сергеем Георгиевичем открывались просто ошеломительные. В марте 1937 года нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов выступил на пленуме ЦК ВКП(б) с критикой подчинённых, обвинив их в развале работы по важнейшим направлениям обеспечения государственной безопасности. Пленум поддержал решительного наркома, и вскоре начались аресты, в том числе и среди руководящего звена НКВД. В системе вертикали власти это имело важное значение, появлялись новые служебные вакансии, шло движение по карьерной лестнице.

Сергей Георгиевич был знаком с наркомом Ежовым со времён, когда тот фактически руководил расследованием убийства Сергея Мироновича Кирова. Сам он очень уважал, почти боготворил Кирова, и когда в 1930 году у него родились близнецы, одного назвал Владлен, в честь вождя революции, другого Кир, в честь Сергея Мироновича. Сейчас они где-то тут, на площади, в числе зрителей парада.

У начальника ленинградской милиции советская образцовая семья, жена Анастасия Георгиевна ведёт домашнее хозяйство в большой квартире в доме на Гороховой, 4, рядом со знаменитым зданием Петроградской ЧК. До революции это был доходный дом страхового общества «Саламандра». Изображение земноводного как геральдический символ страхового общества помещалось над въездом во двор. Фасад дома был богато украшен гирляндами, венками, медальонами с женскими фигурами из белого мрамора и рогами изобилия.

После революции жильцов выселили, а дом передали управлению делами Чрезвычайной комиссии. Когда чекисты переехали в новое здание, «Большой дом» на Литейном, квартиры на Гороховой, 4 (а их только до революции без учёта уплотнения насчитывалось двадцать пять ордеров) были переданы для проживания ответственных сотрудников органов внутренних дел. Именно тогда Сергей Георгиевич с семьёй и заселился в знаменитый дом.

У Жупахина три сына: старший Сергей уже почти взрослый – надежда и тревога отца, младшие двойняшки – отрада сердцу. Не так много поводов для радости у начальника милиции: обстановка в городе и области всегда напряжённая; криминальные личности, пользуясь сложностями в жизни советской республики, не дают почивать на лаврах. Не зря его представили к ордену «Красная Звезда». Немногие милиционеры имеют эту награду. У Жупахина она будет со дня на день.

– Папа, папа!

К инспектору милиции подбежали два крепыша.

– Вот ты где, мы тебя еле нашли!

– Я там, где и положено быть командиру.

– Мы вырастем и тоже будем командирами – такими, как ты!

– Да здравствует достойная смена, – в шутку крикнул Жупахин, – ура подрастающему поколению!

– Сергей, поедem домой, детям пора обедать, нельзя нарушать режим даже из-за такого важного мероприятия, как Первомай.

– Да, да, война войной, а обед по расписанию, – улыбнулся жене Жупахин.

Анастасия не была яркой красоткой, какие вошли в моду у советской номенклатуры в середине тридцатых годов: простая в общении, надёжная в быту – такой и должна быть жена командира.

Подали машину. Семейство Жупахиных залезло в автомобиль, двойняшки попросили водителя погудеть в клаксон, очень смеялись, видя, как люди шарахаются от гудка автомобиля.

До Гороховой было недалеко: пять минут хода и скоро семейство оказалось дома. Папа Сергей снял форму, надел пижаму, Анастасия переделалась в домашнее платье, а двойняшки сразу принялись играть в войну.

– Будем ждать к обеду Сергея? – спросила Жупахина супруга. – Он обещал не опаздывать.

– Дадим ему десять минут, – добродушно ответил Сергей Георгиевич, – не уложится – останется голодным.

В прихожей раздался звонок, пришёл старший сын Сергей Сергеевич, черноволосый кудрявый молодой человек, похожий на мать.

– Я не опоздал? Ну тогда кормите меня, проголодался, сил нет.

Семья главного милиционера Ленинграда была в сборе.

– Лиза, подавай на стол!

В квартире проживала ещё одна Жупахина, жена брата Сергея Георгиевича Елизавета, которая выполняла обязанности по дому и нянчилась с племянниками. Своих детей у неё не было.

Забрякали ложки, застучали стаканы с чаем. Первое мая – праздник. Завтра у Сергея Георгиевича с утра планёрка – и снова день за днём борьба с преступностью.

Назначение помощником начальника 2-го отдела Главного управления государственной безопасности было для Жупахина пробным камнем на новом витке карьеры. Уже 11 июля 1937 года вышел приказ НКВД о назначении его заместителем начальника 2-го отдела. Отдел вёл следственно-разыскную работу и являлся одним из самых ответственных участков работы органов госбезопасности. В руках у нового заместителя оказалось так много властных возможностей, что просто голова кругом. В стране полным ходом шла борьба с врагами народа.

Политбюро ЦК ВКП(б) 2 июля 1937 года приняло решение, озаглавленное «Об антисоветских элементах». Вопрос курировал лично товарищ Сталин. Строгая резолюция, подписанная вождём, направлялась в адрес партийных органов. Предписывалось взять на учёт всех «кулаков», под которыми подразумевались не только бывшие зажиточные крестьяне, раскулаченные в ходе коллективизации, но и широкий круг населения, куда входили самые разные люди: бывшие члены оппозиционных партий, духовенство, работники кооперативных организаций, представители крестьянства и даже рабочие, выразившие несогласие с политикой партии. Отдельно шли разного рода асоциальные элементы и уголовники. Самые активные представители названных групп населения должны быть немедленно арестованы и расстреляны.

Для упрощения процедуры следствия и суда требовалось создание «троек», состоящих из сотрудников органов внутренних дел, представителей прокуратуры и руководящих партийных товарищей. ЦК партии срочно требовал отчёт по спискам лиц, подлежащих аресту, который состоял из двух категорий. По первой все арестованные подлежали расстрелу, по второй – высылке. Под этой фразой понималось заключение осуждённых на разные сроки в исправительно-трудовых учреждениях; если по-старому, то тюрьма и каторга.

16 июля 1937 года Сергей Георгиевич был вызван в Москву на закрытую конференцию и получил подробные указания по выявлению преступного элемента. Все действия должны были проходить в обстановке максимальной секретности. Важно было не только наладить работу «троек», но и определить места для приведения в исполнение приговоров с последующим захоронением расстрелянных. Огромная работа отводилась на мероприятия с осуждёнными по второй категории. Необходимо было организовать перемещение под конвоем больших групп заключённых, определить им место отбывания наказания и обеспечить работой. Задача, сравнимая по масштабам с временами коллективизации. Впрочем, товарищ Сталин и его «верные соколы» Николай Ежов, Михаил Фриновский и многие другие сотрудники НКВД, по привычке именовавшиеся чекистами, трудностей не боялись и с энтузиазмом принялись выполнять указания ЦК партии. Требование усилить борьбу с «первой категорией», то есть «смертниками» было встречено на конференции в Москве продолжительными аплодисментами.

Тогда же Жупахин был принят наркомом Ежовым. Николай Иванович помнил активного сотрудника по делу об убийстве товарища Кирова и желал, чтобы тот включился в решение задач новой партийной программы.

– Мы предполагаем, что вы оправдаете высокое доверие, которое оказывает вам партия на новом ответственном посту, – заявил нарком при встрече с группой назначенцев, куда входил и Жупахин.

В ответ он услышал одобрительные возгласы.

Домой в Ленинград Сергей Георгиевич вернулся другим человеком.

– Представляешь, Настя, – рассказывал он за ужином жене, – нас принял сам нарком товарищ Ежов – человек, которого боятся все враги советской власти не только в СССР, но и во всём мире. Для наших органов внутренних дел нет государственных границ, и вся сволочь, которая окопалась в Париже, Берлине и других местах буржуазного мира, уже трясётся в ожидании неминуемой расплаты за свои гнусные делишки. В СССР непочатый край работы, враги окопались везде, в каждом городе и деревне, гадят исподтишка, вредят делу советской власти, мешают строить коммунизм, не хотят счастья нашим детям. Товарищ Ежов призвал нас возглавить на местах эту работу и очистить социалистическую родину от разной скверны.

– Страшно мне, Серёжа, – робко ответила жена.

– Отчего же?

– Велики задачи, справимся ли?

– Партия требует, чтобы справились, я, как член ВКП(б), выполняя партийную установку, приложу все силы, чтобы выполнить задачу.

– А если пострадают невинные?

– Кто невинные? – Жупахин, кажется, рассердился на жену. – Бывшие кулаки, которые после отбытия очень мягкого наказания вернулись домой и затаили злобу. Немало их сбежало из лагерей и трудовых поселений, осело в городах и на селе, скрываются и ждут момента, чтобы ударить в спину советской власти.

– Согласна, – кивнула Анастасия, – это враги.

Жупахина было уже не остановить.

– Ты много не знаешь, поверь мне, я читал аналитические материалы. Враги окопались везде, выявить и уничтожить их – наша задача. Так сказал товарищ Ежов. Не сам по себе, такова партийная установка лично товарища Сталина, и мы, сотрудники НКВД, будем её выполнять, чего бы это ни стоило.

Вот смотри, белоэмигранты: некоторые вернулись из-за границы, исправились, но это внешне, просто затаили злобу и втихаря ведут активную антисоветскую деятельность. Никуда не делись и бывшие белобандиты, например, миллеровцы. Немало их затаилось по северным деревням, а о юге и казачьих станицах и говорить нечего. Активны церковники, особенно в местах, где мало пролетариата, то есть в сельской местности. Крестьяне темны, и многие попали под их влияние. Это тоже враги.

Наконец, уголовный мир. Немало я посадил этих людишек, будучи на службе в милиции, но там не тот масштаб, там конкретное преступление, причём его ещё надо доказать в суде. Многим удавалось избежать суровой кары и отделаться сравнительно мягким приговором. Что, думаешь, они встали на путь исправления? Ничуть не бывало. Некоторые ещё и жалуются на несправедливость судебного решения. Очень вредят адвокаты, я вообще не понимаю наличия этой категории. Есть следствие, оно решает, виновен человек или нет, есть суд, который определяет степень вины, прокуратура, которая следит за соблюдением социалистической законности. Что ещё надо? Адвокатура – это пережиток буржуазного прошлого. В новой системе не будет никаких адвокатов: всё, как в годы революции, – виновность на основании классового происхождения и взглядов в отношении советской власти.

Теперь всё будут решать «тройки», единый орган следствия, прокуратуры и партии. Быстрое рассмотрение, скорое решение. Поверь мне, Настя, в самые кратчайшие сроки мы избавимся от подавляющего большинства активных врагов социалистического строя, и жить станет гораздо легче.

– Ты веришь в это, Сергей?

– Безусловно!

– А я верю тебе!

До конца сентября 1937 года в Ленинградскую область входили земли Кирилло-Белозерского края, знаменитые прежде на всю Россию своими монастырями. Советская власть нанесла удар по церковникам, закрыв большинство монастырей и приходов. Это вызвало недовольство среди священства, монашествующих и епископата, которые встали на путь борьбы с советской властью.

Кирилловская история началось с ареста священника Иоанна Борисова. Он служил в Славянской церкви Кирилловского района и был арестован 21 июля как активный член контрреволюционной церковной организации. Следом за ним прошли аресты других священников из Белозерска и Кириллова. Чекисты считали, что существует церковный заговор, во главе

которого стоит ленинградский епископ Тихон Рождественский. Он давал благочинным установку о том, чтобы при закрытии церковью духовенство оставалось бы на своих местах и уже негласно исполняло различные обряды.

В августе – сентябре 1937 года было арестовано более 30 человек, причастных к этому делу во главе с епископом Тихоном. Жупахин работал во 2-м отделе, а дело вели сотрудники 4-го отдела под руководством капитана госбезопасности Карпова. Чекисты общались между собой, и Карпов рассказывал коллегам, как сложно было следователям получить нужные показания. Но чекисты на местах старались.

– Примерно на половину арестованных не было никакого материала, кроме того, что они ходили в церковь и молились богу, – затягиваясь табачным дымом, говорил капитан госбезопасности. – Я требовал увязки и округления по всем арестованным: все они одним миром мазаны, надо искать связи. В конце концов, я добился своего. Все привлечённые по делу прошли по первой категории.

– Спецсредства применяли? – спросил коллегу Жупахин.

– Если арестованный не подписывал протокол допроса, то его били, – равнодушно ответил Карпов. – На голову надевали тулуп, сшибали на пол и били ногами, а после этого подводили к столу, вставляли в пальцы ручку и сами водили его рукой по бумаге, подписывая уже готовый текст протокола.

– У нас в милиции такой номер бы не прошёл. На суде всё бы вскрылось.

– Ничего, Сергей Георгиевич, послужишь – поймёшь. Товарищ Ежов разрешает такого рода методы к врагам народа, думаю, что по согласованию на самом верху. Кроме того, здесь нет суда, всё решает «тройка».

– Есть ещё очень продуктивный способ добиться признания, – продолжил Карпов, – арестованных заставляют просто стоять по несколько суток не шевелясь. Соберут пять-шесть человек в комнате под охраной конвойного, а следователи в это время в кино ходят или отдыхают на природе. Работа тяжёлая – необходимо себя чем-то отвлечь.

Жупахин не был новичком в деле следствия: в бытность «Академического дела» немало обвиняемых дали благодаря ему признательные показания. Кажется, давно ли было – пять лет назад. А как всё изменилось. Раньше к арестованному обращались на «вы», рукоприкладство у многих следователей было не в чести, да и что за кураж – выбить из человека показания силой. Другое дело – сломать его, заставить осознать, что сопротивление бесполезно, и привести к признанию вины. Вот настоящая работа. Теперь всё иначе. Новые условия диктуют новые методы.

3 марта 1937 года в на Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин отметил в своём докладе:

«Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперёд классовая борьба у нас должна будто бы всё более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы всё более и более ручным. Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу даёт возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обречённых».

Это было руководство к действию.

Жупахин конспектировал материалы партийных форумов, перечитывал их, чтобы быть в курсе новейших веяний. Он понимал, что теперь, когда внутренняя политика решает судьбу страны, в борьбе с врагами народа за светлое будущее простых советских людей, в том числе и своих детей, он обязан быть беспощаден к врагам СССР.

В сентябре 1937 года пошли разговоры об изменении административно-территориального деления страны в целях укрепления системы управления. 23 сентября был упразднен Северный край: из него выделили Вологодскую и Архангельскую область. Восточные районы Ленинградской области передали в Вологодскую. Города Кириллов и Белозерск переподчинили Вологде. 28 сентября приказом по Наркомату внутренних дел Сергей Георгиевич Жупахин был назначен начальником Управления НКВД по вновь образованной Вологодской области.

Дела по контрреволюционным организациям в Кириллове и Белозерске перешли в его компетенцию. Хорошо, что Карпов держал коллег в курсе, долго вникать не пришлось, да и сотрудники на местах остались те же, проверенные опытные кадры.

– Собирайся, Анастасия, у нас новое назначение, мы едем в Вологду, – сказал Сергей Георгиевич жене вечером 28 сентября.

– Когда выезжаем? – осторожно спросила супруга. Дело непростое, двойняшки только в школу пошли, а тут переезд.

– Трёх дней на сборы тебе хватит. В Вологде мы будем на полном гособеспечении, включая жильё и паёк. О школе также беспокоиться не стоит.

В первый день октября 1937 года нового начальника НКВД Вологодской области с семьёй встречали на железнодорожном вокзале. Ленинградскую служебную квартиру Жупахин оставил за собой, жена брата Елизавета Жупахина будет следить там за порядком. Как знать, что будет? Вологда – это этап в карьерном продвижении: может быть, потом пригласят в Москву в руководство НКВД, а может быть, вернут в Ленинград с присвоением очередного звания по линии госбезопасности. Позиции наркома Ежова сильны, он любимец товарища Сталина и лично рекомендовал вождю его, Сергея Жупахина, на высокую должность в Вологде.

Изменение званий при переходе в госбезопасность несколько смущало Сергея Георгиевича. Тождество между званиями в ведомствах составляло две позиции, следовательно, при новом назначении он становился майором госбезопасности. Но он уже имел это звание: получалось, что переход был без повышения. По идее Жупахин должен был получить вместе с новой должностью и очередное специальное звание – старший майор, но оно почему-то оказалось вычеркнуто прямо из приказа.

«Ничего, – думал Сергей Георгиевич, – это исправимо, это стартовая позиция, будут ещё и комиссарские звания, главное сейчас – показать себя на новом месте.

– Вот и ваш дом, – сказал сопровождающий, завхоз управления НКВД Сафонов, – адрес: улица Карла Маркса, 22а, центральная часть города, рядом школа и река. Располагайтесь.

Жупахин вышел из машины, осмотрел дом. Он ему сразу понравился: большой, в глубине улицы, с верандой и садом. Очень удобно. День выдался солнечный: листва на деревьях окрасилась в разные цвета, плоды диких яблонь краснели на ветках, ожидая первых морозов и оголодавших птиц, которые уничтожат этот никому не нужный урожай.

Вологда – не Ленинград, маленький спокойный городок. Но, как известно, в тихом омуте черти водятся!

– Где располагается управление? – спросил он Сафонова.

– На улице Менжинского в зданиях бывшего монастыря.

– Менжинского? Это хорошо, я знал его, отличный чекист, верный ленинец. Давно такое название?

– В прошлом году переименована.

Завхоз немного помедлил и спросил:

– К которому часу подавать машину?

– К семи утра, – ответил Жупахин, – надо работать, дел много, да и враг не дремлет.

Глава 2

Вологодский доктор Сергей Фёдорович Горталов, несмотря на свой почтенный возраст (семьдесят пять лет – не шутка), был тот ещё жизнелюб. Вёл активный образ жизни, следил за здоровьем. Как же иначе, он же врач, заслуженный человек, почти тридцать лет прослужил на руководящих должностях в Вологодской губернской больнице.

Весь город прошёл через его руки – и не только город. В 1918 году он спас от верной смерти посла Северо-Американских Соединённых Штатов. Посольство в тот беспокойный революционный год перебралось из Петрограда в Вологду и почти полгода находилось здесь вместе с десятком других посольств и миссий. Целая дипломатическая колония!

Сергей Фёдорович хорошо помнил тот апрельский день. За ним в больницу прибежал испуганный слуга посла, негр по имени Филип, который немного знал русский, и, запинаясь от волнения, затараторил: «Губернатору плохо, у него понос и температура, он может умереть!»

«Что за губернатор?» – подумал тогда Горталов. Он не знал, что в Америке принято называть человека не только по настоящей, но и по прежней должности. Посол США в России Дэвид Френсис был раньше губернатором штата Миссури, и титул остался за ним на все времена.

Доктор надел пальто, калоши – на улице была весенняя слякоть – и поспешил на Дворянскую улицу, где в бывшем «Доме приказчиков» квартировало американское посольство.

Френсис лежал в своём кабинете в большой угловой комнате на втором этаже здания. Он страдал от боли и выглядел ужасно. Горталов произвёл осмотр. Нет, это не просто дизентерия и даже не тиф, это похуже. Все признаки говорили в пользу интоксикации. Попросту говоря, посол был отравлен.

– Скажите, милейший, – спросил Горталов слугу-негра, – ваш господин принимал вчера что-нибудь необычное?

– Ничего такого, я стараюсь ему давать только американские продукты, консервы, галеты. Вчера он позволил себе немного «Кентукки Бурбон». Он очень любит этот виски.

– Так-так, как часто он употребляет спиртное?

– Редко, господин доктор, очень редко. Со спиртным сейчас очень плохо. Революция. Солдаты разбили все винные погреба в Петрограде и выпили запас вина на ближайшие десять лет. Мне удалось спрятать немного в посольском буфете.

Филип говорил медленно, подбирал нужные слова. И хотя его акцент был ужасен, доктор прекрасно понял смысл сказанного.

– Так это оттуда?

– Вовсе нет, эту бутылку привёз третьего дня полковник Роббинс, глава Американского Красного Креста, важный человек.

– Как же, слышан, – кивнул головой Горталов, он, как медик, был прекрасно осведомлён о деятельности этой благотворительной организации в России, более того, возглавлял отделение Красного Креста в Вологде.

– Это из старых запасов, так сказал полковник, – слуга был доволен своим русским, давно он так много не говорил на этом языке. Филип выучил азы русской речи на улицах и рынках Петрограда, когда в 1916 году приехал вместе с послом в столицу империи, и очень гордился этим. Френсис, напротив, по-русски не говорил и даже не старался выучить хотя бы несколько слов.

«Значит, так, – подумал Горталов, – если моё предположение верно, то яд был подмешан в виски, а значит, концентрация могла стать не критичной, иначе бы американец давно отдал Богу душу».

– Для начала будем лечить вашего господина голодом, желудок должен очиститься, – сказал доктор слуге. – Чтобы остатки сил его не покинули, я назначаю ему диету: два варёных яйца в день, утром и вечером. И всё...

– Может быть, гоголь-моголь? – робко спросил Филип. – Губернатор любит.

– Ничего более, только яйца, иначе я ничего не гарантирую.

Филип что-то перевёл Френсису, тот благодарно закивал.

– Ну вот и отлично, – я буду ежедневно навещать больного, – улынулся доктор.

Через неделю посол пошёл на поправку. Правда, он очень похудел, чуть ли не вдвое. Как-то раз доктор увидел, как тот пытается надеть брюки. До болезни Френсис был довольно полным мужчиной, что называется «с животиком». Теперь перед Горталовым стоял измождённый старик, утопающий в собственных брюках, которые ещё недавно были ему впору.

Увидев доктора, Френсис что-то пробормотал и через силу улынулся.

– Губернатор говорит, что теперь в эти брюки влезут уже два Френсиса, – перевёл Филип, – вот только второй куда-то исчез.

Доктор весело засмеялся. Раз пациент шутит, значит, дело идёт к выздоровлению.

Когда посол окончательно встал на ноги, он счёл для себя важным отблагодарить доктора. Через канцелярию посольства Горталов получил благодарственное письмо и портрет Френсиса. В конверт был вложен щедрый гонорар: банкнота достоинством в 500 рублей с портретом императора Петра I. Несмотря на революцию, царские деньги были в ходу и охотно принимались населением – не как разные «керенки», которые тоже принимали, но всегда предпочитали им царские.

Сергей Фёдорович в деньгах не нуждался: у него, кроме работы в больнице, была обширная частная практика. Поэтому он положил банкноту как ценный сувенир вместе с портретом Френсиса и благодарственным письмом. В ответ он прислал американцу свой портрет и сборник научных статей, выпущенных к его юбилею ещё до революции.

С тех пор прошло уже девятнадцать лет – целая вечность. Френсис давно умер: отравление не прошло для него бесследно. Горталов слышал, что у него начались проблемы с мочеиспусканием, требовалась срочная операция, и посол вынужден был прервать своё дипломатическое служение. Это было осенью того же года, уже после начала Гражданской войны, когда посольства находились в Архангельске.

Говорили, что Френсис умер в Англии на операционном столе. Горталов не мог знать, что это была неправда. Посол и тогда выкарабкался и даже прожил у себя в поместье в городе Сент-Луис ещё почти восемь лет. Не мог он знать, что подарок русского доктора тоже сохранился и находится в музее в родном городе Френсиса.

Горталова после революции дважды арестовывали. Первый раз осенью 1918 года как контрреволюционера, но быстро отпустили: знаменитый доктор был нужен как специалист и новой большевистской власти.

В 1926 году Горталов вынужденно оставил должность старшего врача в губернской больнице, а потом в 1931 году и само медицинское учреждение, формально – по возрасту. У него осталась только частная практика. Но и она давала возможность врачу жить, ни в чём себе не отказывая.

В 1931 году его арестовывают второй раз как валютодержателя. При обыске нашли царские золотые червонцы – главную подпольную валюту того времени. Несмотря на указ, Горталов не сдал золото государству. Тогда дело обошлось только конфискацией. Сработал авторитет врача и помощь влиятельных пациентов из числа советской партийной номенклатуры. Где-то в архивах ОГПУ остались его допросы того времени, так сказать, чистосердечное признание. ОГПУ нет уже четыре года, может, и документов этих уже нет – хорошо бы.

– Сергей, принесли свежую газету.

В комнату вошла жена доктора, Варвара Николаевна. Она происходила из известного вологодского дворянского рода Дружининых. Доктор женился поздно, в возрасте «под сорок». Супруга была намного моложе Горталова и всю жизнь посвятила заботе о муже и детях. В семье выросли двое сыновей-погодков.

– Будешь читать газету, умоляю, не нервничай, всё равно ничего не изменится, – сказала супруга, протягивая доктору «Красный Север».

– А что такое, опять враги народа мешают социалистическому строительству?

– Не только. Северного края больше нет.

– Как нет?

Горталов схватил свежий номер советской газеты от 24 сентября 1937 года и прочёл на первой странице: «О разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области».

– Вот тебе новость! Что, опять губернии вернули?

Доктор начал читать информацию о городах и районах новой области. Нет, это была не старая губерния. На востоке всё, что находилось дальше Великого Устюга, больше не было вологодским. Зато на западе область приобретала бывшие новгородские земли, никогда не входившие в Вологодскую губернию, с городами Череповец, Кириллов, Белозерск – всего 19 новых территориальных образований. Всё, что находилось севернее Верховажья и Тарноги, отходило к Архангельской области.

– Значит, теперь Вологда – снова центр. Это удобно, не надо в Архангельск ездить, легче в управлении.

– Давно ли ты, Сергей Фёдорович, стал одобрять действия советской власти? – съязвила жена.

– При чём тут это? Я прекрасно понимаю, что хорошо, что плохо: это хорошо.

– Сейчас начнут создавать всякие учреждения, плодить номенклатуру.

– Не без этого, но главное уже есть. Комитеты ВКП(б) работают, роль партии укрепляется, борьба с недостатками ведётся. Смотри, что пишут!

Горталов перевернул газетную страницу, прочёл заголовок: «О контрреволюционном вредительстве на складах вологодской базы «Заготзерно».

– К делу привлекаются семь человек, я знаю почти всех – мои пациенты. Серьёзные люди, партийцы. Кто бы мог подумать на такое?

26 сентября, послезавтра в воскресенье, начнётся показательный процесс в здании областного суда.

– Пойдёшь? – спросила жена.

– Ещё чего, что я не знаю, что там будет?

– Что же?

– Будут каяться перед советским народом, валить друг на друга вину, дрожать в ожидании приговора. Всё известно наперёд – сколько уже прочитано о предателях трудового народа. Какие имена! Зиновьев, Каменев, Радек, Пятаков, Сокольников! Кстати, я видел Радека живую в том самом 1918 году, летом, когда он приезжал сюда уговаривать Френсиса переехать в Москву. А потом о нём говорили сами дипломаты, как они отказались следовать за ним и решили ехать в Архангельск.

– Ну и как он тебе?

– Крайне неприятный внешне человек, но в уме ему не откажешь: выгнал дипломатов из Вологды – не каждому под силу. Кедров, например, не смог. Кстати, где сейчас Михаил Сергеевич? Давно ничего не слышно. Если бы осудили, было бы в газетах, а так, значит, жив-здоров.

Ты знаешь, я часто думаю, как несправедливо устроена жизнь. Подлецы и негодяи творят суд и расправу над невинными, думают, что всё это вечно. Когда же наступает их очередь встать у расстрельной стенки, искренне недоумевают: за что? Ты полагаешь, мне жалко рас-

стрелянных вождей? Ничуть. На каждом из них реки крови, все они прошли через Гражданскую войну, а в то время не церемонились. Впрочем, как и теперь.

– Опять ты за своё, Сергей! Дважды Господь спас тебя от расправы – живи молча, не гневи Бога!

– Мне терять нечего, все наши давно на том свете, чего мне бояться?

– За меня, за детей бойся!

– Сын за отца не ответчик, у них своя голова на плечах. Как мог, я их воспитал, дальше – как знают. Ты – статья особая, перед тобой я в ответе и поэтому обещаю быть сдержанным, на людях ничего не говорить.

– Вот и слава Богу!

Доктор Горталов свернул газету. Непрочитанными остались статьи по международным делам о войне в Испании и Китае, роли партии в социалистическом строительстве, отдельных недостатках и больших достижениях.

Горталов не верил прессе. Он много повидал на своём веку и прекрасно знал, что значит игра власти с народом. В каждом номере «Красного Севера» были материалы на тему критики и самокритики. Из них выходило, что в народном хозяйстве всё не очень хорошо, но партия и комсомол изо всех сил борются за победу социализма, сокрушая временные трудности. «Скучно читать. Я давно живу, есть с чем сравнить, и сравнение это не в пользу дня сегодняшнего».

Читать про бытовые неурядицы Горталову нравилось. Это и безобидно, и злободневно. Вот, например, статья «Похождения обедающего» из того же номера газеты. Человек идёт в столовую, ждёт, когда его культурно обслужат. Ничего подобного. Официантки упорно не видят посетителя. Человек нервничает.

Автор фельетона – видно, что человек талантливый – припечатал общественное питание как надо: «В томительном ожидании обеда посетитель рассматривает стол, на котором накопилась груда грязной неубранной посуды, и залитую скатерть. Один вид такого стола может отбить самый алчный аппетит. Официантки беспрестанно бегают мимо, не замечая посетителя, который начинает в такт соседу бить ложкой о край грязной тарелки.

– Ну чего расстучался, не видишь, что занята, – грубо замечает официантка.

– Да ведь я уже давно жду...

Не дослушав, официантка убегает на кухню...»

Ну и так далее – не Зошенко, конечно, но тоже сатира.

Однажды Горталов, который всегда обедал дома, в целях эксперимента зашёл в городскую столовую убедиться насчёт критики. Убедился. Просидел полчаса в ожидании официантки, потом попробовал блинчики со следами химического карандаша, возмутился антисанитарией как доктор и написал в жалобную книгу. И что? Ничего! Спустя неделю в той же жалобной книге он прочёл: «При проверке мною муки, которая идёт на приготовление блинчиков, ничего подобного не обнаружено. Зав. столовой». Как это называется? «Сам дурак!»

Бытовое бескультурье, которое пышным цветом цвело в разных областях вологодской жизни, возбуждало в докторе Горталове праведный гнев. Неужели трудно сделать, как раньше? Везде – и в столовых, и в службе быта, и в канцеляриях – одно и то же. Посетителей там не любят. Это ещё мягко сказано – их ненавидят, они мешают работать!

«Сподобил Господь дожить до лютых дней, – ворчал про себя Горталов, – за какие грехи?»

Впрочем, не всё было так плохо. Сыновья радовали старого доктора. Оба выучились и работают. Старший, Василий – врач физкультуры. Народное здоровье – важное дело, это даже власть понимает. Не случайно движению физкультурников дана «зелёная улица». Младший, Михаил, тоже при деле: служит зоотехником в рабочем кооперативе «Вологжанин», предприятие большое, перспективное, имеет свои магазины и производство. «Жаль только жениться

сыновья не спешат, все в отца. Хотя внуков дождаться очень хочется», – думал про себя старый доктор.

Иногда в его дом на Большой Петровке, 8 приходили гости – все, как один, старой закалки, «из бывших», люди, которых Горталов знал не один десяток лет. С ними он мог говорить откровенно, вспоминать о прошлом и тосковать о старых добрых временах... Старики не понимали, что посиделки в самом тесном кругу для новой власти тоже являются преступлением и каждый «бывший» давно стоит на особом учёте.

Во время ареста в 1931 году следователь подробно расспрашивал Горталова о людях, с которыми общался доктор, просил характеризовать степень их лояльности к советской власти. Ему бы помолчать, но Сергей Фёдорович хитрости не заметил и откровенно рассказал о своих знакомых и причинах их недовольства новой властью. Следователь всё записал в протокол, Сергей Фёдорович подписал и был отпущен домой. Позже он пожалел о своей откровенности, но тогда, в 1931 году, он даже и подумать не мог, что его частное мнение будет играть какую-то роль.

В воскресенье 26 сентября в доме Горталовых ждали гостей. К обеду была приглашена чета Кадниковых: доктор Павел Александрович с супругой, ещё один доктор, гинеколог Илиодор Снежко, и пара медицинских работников. Все старые знакомые, знали друг друга по многу лет, работали в одной сфере.

В этой компании чета Кадниковых занимала особое место. Павел Александрович в прошлом был членом Партии народной свободы, кадетом. Именно за него, старого знакомого и видного деятеля вологодской ячейки партии, голосовал в 1917 году на выборах в Учредительное собрание Сергей Фёдорович Горталов. Кадеты не оправдали политических надежд доктора Горталова, но к коллеге Кадникову его отношение не изменилось. В прошлом они активно сотрудничали в организации Красного Креста.

Когда Сергея Горталова допрашивали в 1931 году, он среди своих знакомых назвал и фамилию Кадникова, про которого сообщил, что тот «бывший кадет, человек твёрдый и вполне советским человеком быть не может». Следователь, стуча двумя пальцами по клавиатуре пишущей машинки, записал эти данные. Дело прошлое, дело старое.

Друзья и коллеги Горталовых тоже не молоды, большую часть жизни прожили при старом режиме и многие советские реалии воспринимали очень болезненно. Было с чем сравнить.

К двум часам пополудни в дом Горталовых постучали. Михаил, как младший сын, открыл дверь.

– Здравствуйте, родители вас уже ждут, прошу входить.

В тот день гости засиделись допоздна, говорили о разном: и своём медицинском, и общеполитическом.

– Я, Сергей Фёдорович, – сетовал доктор Кадников, – возмущён администрацией нашей городской поликлиники и позицией Горздравотдела. Представляете, в прошлом году закрыли на ремонт городскую электроводолечебницу, оставили без лечения сотни больных в городе и ближних районах. Я понимаю, ремонт необходим. Но что творится: на месте лечебницы теперь жилой дом. То, что не подошло под медицинские нужды, стало квартирами, причём далеко не худшими, и там обычным очередникам места не нашлось.

– Согласен с вами, Павел Александрович, скажу больше: город остался без электропроцедур, поскольку кабинет в самой поликлинике тоже на ремонте, которому нет конца-края. Кадры кидают куда попало, где есть нужда, даже в гинекологию.

– Позвольте, – вступил в разговор Снежко, – гинекология – это очень важно, это будущее страны.

– Да я не о том, – махнул рукой Горталов, – дело в том, что идёт планомерный развал медицинской помощи.

– Думаете, вредительство?

– Скорее головотяпство, ведь у нас в Горздравотделе практиков нет, всё больше ответственные работники с начальной школой за плечами.

– Как вы можете, Сергей Фёдорович, партийный принцип важнее: руководство партии видит проблемы на местах и решает их по мере возможности.

– Издеваетесь, доктор?

– Отнюдь, просто констатирую очевидные факты.

– Кстати, – Горталов переменял тему беседы, – в сегодняшнем «Красном Севере» предлюбопытная заметка. Называется «Исчезновение белогвардейского генерала Миллера».

– Того самого, из Архангельска?

– Да-да. Он возглавлял в Париже эмигрантский общевойсковой союз после смерти генерала Кутепова – и вот незадача: вышел на встречу и пропал. Вместе с ним пропал и генерал Скоблин, его правая рука. Как вы думаете, зачем это печатать в областной газете, для кого?

– Не будьте наивны, Сергей Фёдорович! – заметил Кадников. – Ничего просто так не бывает: это написано для тех, кто ещё верит в победу белой эмиграции.

– Вы верите, Павел Александрович?

– Я – нет, я вообще не верю военным, власть – это вопрос политический, недоступный понимаю людей в форме.

– Большевики так не считают и без всякой формы ликвидировали вашу Партию народной свободы.

– Это был произвол и диктатура.

– Они и не скрывают – диктатура пролетариата. В Вологде кадетов как организованной силы давно уже нет. Ваш предводитель Беккер – теперь советский служащий, живёт в Москве и вполне лоялен к власти. Только вы, Павел Александрович, живёте прошлым.

– Не только я.

– Тихо, тихо... мы слишком углубляемся в политические разговоры. Закончим про Миллера. В газете пишут, что это дело рук гитлеровских агентов, которые разлагают русскую эмиграцию изнутри.

– Какая Гитлеру нужда в Миллере?

– В статье это не написано, но, думаю, вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду.

Доктора были правы: правда о «похищении века» стала известна только через семьдесят с лишним лет. Генерал Миллер был похищен советскими спецслужбами, вывезен в СССР; из него хотели сделать второго Савинкова, заставить каяться, но старый солдат отказался и был в итоге замучен в застенках НКВД.

Второй генерал, Николай Скоблин, оказался тем самым предателем, который и организовал похищение. Он также бесследно исчез – говорят, погиб где-то в Испании. Французское правосудие отыгралось на его жене, знаменитой в прошлом певице Надежде Плевицкой, упрятав её за решётку, где она и умерла в 1940 году.

– Спасибо за душевный приём, Сергей Фёдорович, – гости начали откланиваться, – в следующий раз ждём у нас на Карла Маркса, надеюсь, адрес не забыли? – в шутку спросил доктор Кадников. – Напоминаю: дом номер 22.

В то время имя основателя коммунизма носила небольшая улица в два квартала. Она начиналась в створе улицы Советской и шла к реке в район «Красного моста» и церкви Зосимы и Савватия. Потом это была часть улицы Калинина, которую в конце двадцатого века переименовали в Зосимовскую.

– Миша, – позвал Горталов младшего сына, – на всякий случай ты ничего не слышал, никаких наших разговоров, и вообще был на улице.

– Что я – маленький? – ответил тот. – Мне ваши разговоры без надобности, я имею свои цели в жизни во благо СССР.

– Ну и молодец, мы, старики, просто ворчим, – ответил ему отец.

Глава 3

Новый начальник Управления НКВД по Вологодской области Сергей Георгиевич Жупахин взял с места в карьер. На совещании с руководством районных отделов при участии представителей партийных органов и прокуратуры была поставлена задача скорейшего выявления антисоциальных элементов, особенно по первой расстрельной категории.

Жупахин был в новом мундире, четыре высокие государственные награды сияли на груди майора госбезопасности, показывая, что партия и правительство ценят заслуги Сергея Георгиевича в деле борьбы с врагами социализма. В руках у начальника – тезисы к докладу. Время от времени он заглядывал в бумагу, чтобы привести нужные цифры или цитаты:

– В связи с реорганизацией Северного края мы отстаём по многим показателям. Не хватает инициативы на местах, много преступной халатности. Враг не должен чувствовать себя спокойно. Он должен понимать, что за ним придут – не сегодня, так завтра. Утверждённый партией приказ по борьбе с антисоциальными элементами имеет разрядку по Северному краю: привлечь 750 человек по первой категории и 2000 по второй. Это на всю огромную территорию – до смешного мало! Я буду просить увеличить лимит только по Вологодской области по первой категории до тысячи человек и по второй до двух с половиной тысяч.

– Товарищ майор госбезопасности, не слишком ли обширные планы? Вологодская область – регион спокойный, выступлений против советской власти здесь не было с 1918 года. Давайте не будем горячиться, считаю, что разрядка, спущенная в августе для Северного края, объективно отражает существующее положение.

Жупахин посмотрел на говорящего. Не абы кто – первый секретарь ЦК по Вологодской области Григорий Андреевич Рябов возражает.

– Узко мыслите, товарищ первый секретарь, у меня перед глазами документ, письмо простого человека по фамилии Машкин, адресованное товарищу Сталину. Даже ему, обычному селькору, всё понятно, вот послушайте:

«Довожу до Вас, что в Вологде троцкистов кишит, и очень они мешают нам работать. Вообще Вологде нужна особая прочистка партийных рядов, очень уж там много чуждых элементов. А в организациях, даже руководящих, засели троцкисты. Люди с партбилетом думают, что раз бесклассовое общество сейчас, то и бороться не с кем».

– Как про вас написано, товарищ Рябов!

– Я ни в каких уклонах не состоял и всегда поддерживал и проводил генеральную линию партии, – огрызнулся первый секретарь, – товарищи не дадут солгать, верно говорю?

Но все молчали: кто-то нервно черкал на листе бумаги, кто-то записывал в блокнот, но большинство смотрело вокруг отсутствующим взглядом, как будто пикировка первых лиц их совершенно не касалась.

– Вот видите, товарищ Рябов, вас никто не поддерживает. А это сигнал внутренним органам для проверки.

Рябов как-то вдруг поник, плечи опустились, от былой уверенности не осталось и следа, как будто и не было за ним славных лет борьбы за социализм, верности делу Ленина-Сталина – как будто всё это стало неважным, и он перед лицом этого новичка выглядел, как нашкодивший школьник перед учителем.

– Подумайте, товарищ Рябов, над своими словами: партия доверила вам руководить коммунистами целой области, а вы ставите под сомнение партийные разрядки.

– Я не ставлю, как раз наоборот: это вы, товарищ Жупахин, ставите.

Сергей Георгиевич посмотрел на первого секретаря обкома и вдруг широко улыбнулся.

– История покажет, Григорий Андреевич, кто из нас прав, и давайте перейдём к следующему вопросу.

Рябов про себя выдохнул: «Кажется, пронесло». Ссориться с начальником управления НКВД не входило в его планы.

– Товарищ Власов Иван Тимофеевич, начальник оперсектора по Белозерскому району, – медленно, чуть нараспев продолжил Жупахин, – доложит нам по делу контрреволюционной повстанческой организации церковников, как там идёт борьба с монашками в бывшем Горицком монастыре.

Лейтенант вскочил: для него было полной неожиданностью, что новый начальник в курсе этого дела.

– Докладываю, 23 и 25 сентября сего года арестованы 33 бывшие монахини Горицкого монастыря, 30 сентября взяли ещё 14 монашек. Всего же были отданы под арест 62 бывшие насельницы монастырей и 44 мирянки. Дело рассматривается Управлением НКВД Ленинградской области. Арестованные этапированы в Ленинград, решение «тройки» по делу ожидается со дня на день.

– Почему дело ведёт Ленинград, а не мы? – спросил Власова Жупахин. – Белозерск и Кириллов теперь на нашей территории, а вы отдаёте на сторону больше сотни обвиняемых, целый «альбом».

– Они начали это дело – им и заканчивать, – ответил Власов.

– Ошибаетесь, товарищ лейтенант, заканчивать лучше нам: это большой плюс в работе – такое количество осуждённых врагов.

– Отправлены в Ленинград не все. Бывшая игуменья монастыря Зосима оставлена в Белозерске, правда, она еле передвигается, больна.

К Жупахину подошёл заместитель с кожаной папкой, передал бумаги. Майор госбезопасности перелистал документы и с явной досадой сказал:

– Пришло уведомление, протокол заседания № 80 «особой тройки» УНКВД Ленинградской области от 4 октября: вынесли решение расстрелять всех обвиняемых по делу организации церковников, включая главаря, епископа Тихона Рождественского, белозерских, кирилловских и череповецких попов. «Активная церковница» Анна Богданова отправлена на 10 лет в лагерь. Справедливый приговор, я считаю, так ведь, товарищи? – сказал он, явно передразнивая Рябова. – Жаль, что это пошло не нам в отчётность.

Присутствующие одобрительно загудели, только первый секретарь товарищ Рябов промолчал. Это не укрылось от взгляда Жупахина.

Спустя пять дней все осуждённые по делу церковников были расстреляны в Ленинграде: не только священники, но и монахини Горицкого монастыря. Игуменью Зосиму расстреляли в Белозерске, поскольку передвигаться она по причине болезни уже не могла.

К вечеру Сергей Георгиевич уставал так, что просто валился с ног. Автомобиль подвозил его прямо к дому, где на крыльце мужа встречала супруга с детьми. Двойняшки гордились папой, который ловит бандитов, и каждый день ждали его после работы, рассчитывая на интересные рассказы.

Жупахин любил сыновей и часто рассказывал им о злых врагах, которые хотят уничтожить Страну Советов.

– Не рановато ли им? – осторожно спрашивала мужа супруга Анастасия.

– Нет, категорически настаиваю, не рано. Дети должны знать, что их отец пропадает на работе во имя светлого будущего, во имя счастья всех советских детей.

– Не могу с тобой согласиться, далеко не всех детей, – тихим голосом возразила жена.

– С чего это?

– А как быть с детьми, чьих родителей осудили? Всех их отправляют в детские дома, ты бывал там, знаешь – какое уж тут счастье.

– Кире и Лёне такая судьба не грозит, – огрызнулся Жупахин.

– Очень на это надеюсь.

Вопрос жены задел Жупахина за живое:

– Во-первых, государство делает всё для того, чтобы воспитанники детдомов ни в чём не нуждались; там идёт перековка, родителей больше нет, большинство детей их не помнят, не знают, куда те исчезли. Для них детдом – это большая семья, советская, где каждый воспитанник друг, товарищ и брат.

Во-вторых, после детдома у детей осуждённых нет поражения в правах, и они, как и вся остальная молодежь, готовы влиться в ряды строителей коммунизма.

– Сергей, если бы всё было так, – горько усмехнулась жена. – То, что ты говоришь, – не более, чем мечты.

– Товарищ Ленин тоже мечтал о строительстве коммунизма, теперь мы, его ученики и последователи, воплощаем в жизнь великие идеи вождя.

– Товарищ Жупахин, вы не на митинге, – шутливо возразила жена.

– Я сейчас тебя арестую и подвергну допросу, – поймав волну, ответил супруг. – Быстро иди ко мне в кабинет, я заставлю тебя во всем сознаться.

– Слушаюсь, товарищ майор, – с нарочитой покорностью ответила жена.

Вообще-то они любили друг друга, их брак ещё до революции 1917 года был заключён в церкви. В год революции родился первенец – Сергей. Потом длительный перерыв, и вот в 1930 году на свет появились двойняшки Лёня и Кира – так в семье называли Владлена и Кира Жупахиных.

Утром в семь к дому Жупахиных подъезжал автомобиль. Сергей Георгиевич, свежий и выбритый, быстро сел в авто и спешил на работу. На столе у него уже лежали отчёты после «ночной смены». Чаще всего арестованные сознавались именно ночью, не выдержав мук без сна и воды. Всё зависело от опытности следователя. Одни не могли дать толк по несколько дней и со злости пускали в ход кулаки, другие умели так поставить дело, что подследственный сознавался во всём, что хотел следователь.

Страх – великий испытатель человеческих душ. Для одних это путь к оговору, для других – к раскаянию. Разницы нет: если человек оговорил себя, значит, в глубине души он всё равно преступник, раз допускает такое в принципе. Если же человек, несмотря на побои и пытки, отказывался давать показания, к такому умный следователь относился с некоторым уважением – не как к тем, кто после первой крови был готов подписать любые самые ужасные для себя показания.

Бывало и такое: те, кто не сознался, выходили на свободу за отсутствием доказательной базы. Но таких было очень мало. Много было тех, кто быстро «раскальвался», а потом в суде от всего отказывался и только мешал интенсивной работе. Для таких и ввели «тройки» – быстро, чётко, справедливо. Не случайно фраза «смертная казнь» теперь заменена на другую – «высшая мера уголовного наказания». Жупахину больше нравилась предыдущая редакция наказания – «высшая мера социальной защиты», но эту формулировку в 1926 году заменили.

Машина, подсакивая на рессорах по мостовой, подъехала к бывшему монастырю во имя Святого Духа. Некогда эта обитель стояла на самой краю города, теперь – почти в центре. В начале семнадцатого века тут жил один старец по имени Галактион. В 1612 году его забили до смерти черкасы – запорожские казаки, служившие тогда всем, кто заплатит. Поляки могли заплатить и обещать «зипуны» – добычу при взятии города. Это позволило им сколотить «православное» войско, которое с удовольствием убивало и грабило «москалей», то есть жителей Московского государства. Это потом русские цари умилили казацкую вольницу и заставили чубатых служить под стягом Москвы.

Потомки казаков шесть лет назад снова появились в Вологде. Но теперь в другом статусе – спецпереселенцев. Их расселили по самым диким местам Северного края, где много лесов. Добывать древесину пришлось ради спасения своих жизней. Надо ли говорить, что среди контингента спецпереселенцев было много недовольных, а значит – врагов. Ещё одна группа на

первую категорию, хорошее дополнение к кулацким элементам и прочим потенциальным врагам. Есть куда приложить руки чекистам.

Приехали. Жупахин прошёл в кабинет, заслушал доклад дежурного. В приёмной его уже ждут. От решения Сергея Георгиевича зависят людские судьбы. Впрочем, он не должен об этом думать. Любой либерализм усыпляет классовую бдительность и ведёт к ошибкам, иногда очень серьёзным.

В бывшем монастыре при Жупахине стало тесно. За последние месяцы резко увеличилась нагрузка на следователей, кратно выросло количество арестованных. Вина большинства очевидна. Жупахин ждёт из Москвы документ об увеличении лимитов по первой категории «врагов трудового народа». Ждёт он и решения Москвы о «тройке». С тем и другим какие-то трудности, особенно с последним. Понятно, что «тройку» возглавит он сам, от прокуратуры рекомендовали товарища Сафгирова, заместителя прокурора, от партии выдвинут второй секретарь обкома Люстров. Но дело в том, что оба они никуда не годятся. Сафгиров – трус и мямля, а Люстров – двурушник. В этом Жупахин был уверен. Он будет похуже первого секретаря Рябова. Оба – коммунисты в белых перчатках.

Жупахин запросил личное дело Николая Алексеевича Люстрова. Всё как обычно: крестьянский сын, потом пролетарий, ткач, потом империалистическая война, примкнул в большевикам, был на разных партийных должностях, учился. Много работал. До перевода в Вологодский обком был первым секретарём Тарногского райкома. 46 лет. Характеристики положительные. Лично Жупахину Люстров был неприятен: что за желание разобраться в каждом отдельном случае? Неспроста всё это. Весь Вологодский обком такой. Пойди копни – и найдутся троцкисты-зиновьевцы.

– Сергей Георгиевич, к вам начальник отдела материально-технического обеспечения.

– Пусть заходит, жду.

Появился завхоз управления НКВД товарищ Сафонов.

– Сергей Георгиевич, я провёл ревизию всех помещений в монастыре и, кажется, нашёл то, что вам понравится.

– Пошли.

Жупахин с завхозом вышли во двор. Под ногами шуршали листья: вокруг много деревьев, дворник не успеваешь убираться. «Так и мы, – думал Жупахин, – не успеваем выметать всякую нечисть с улиц городов и сёл Советского Союза. Не хватает сил, решимости, сноровки».

– Вот здесь.

Завхоз остановился около неприметной двери, ведущей в одноэтажную пристройку.

– Что там?

– Пока склад, но материальные ценности мы переместим в другое место, а здесь будет то, что вы сказали. Есть второй выход – можно подъехать машине. Стены толстые, звук не проходит.

– Молодец, – похвалил завхоза Жупахин, – правильно понимаешь. Убирай имущество, проводите сюда воду – о готовности доложить немедленно.

– А воду-то зачем?

– Догадайся сам, или что, экскременты руками убирать будешь?

– Какие такие экскре...

– Самые настоящие, некоторые перед смертью страдают недержанием, – деловито заметил Жупахин, – а помещение надо содержать в чистоте. Оформить это как душевые комнаты для подследственных.

– Может, как раньше, за городом? – спросил завхоз.

– Нет, здесь, не выходя из монастыря: от вынесения приговора до исполнения – не более часа. Наказание неотвратимо. Ясно?

– Так точно, товарищ майор государственной безопасности. Но скажу сразу: большие объёмы исполнения не потянем.

– Разберёмся по ходу дела! Пока «исполнять» только осуждённых женщин: с ними тут хлопот меньше, опять же по легенде – это душевые.

После каждого совещания «наверху» начальники отделов проводили свои планёрки и требовали от оперативных сотрудников усилить работу по выявлению антисоциальных элементов. После них оперативные работники разбегались по городу, назначали встречи добровольным помощникам-информаторам, и те по разным причинам давали информацию о лицах, которые, по их мнению, занимались противоправной антисоветской деятельностью. Важно было зацепиться за какой-нибудь факт. За ним следовал арест подозреваемого, и начиналась работа следователей. Важным считалось выйти на организованную группу. Одиночка – это всегда недостаточное доказательство, а вот когда члены группы изобличают друг друга – это отличный материал для квалификации как контрреволюционной организации. А там, глядишь, материалов и на «альбом» хватит. Это уже наивысший успех.

Оперативник Гришин шёл по улице как раз после такой планёрки, у него был свой секретный сотрудник, работавший в кооперативе «Вологжанин». Звали его Михаил Сергеевич Горгалов, оперативная кличка – Сергеич. Кадр был ценный. От него Гришин знал всё, о чём говорят в кооперативе, личные пристрастия и слабости сотрудников организации. Сергеич работал за идею, он искренне считал, что помощь органам в выявлении враждебного элемента – важное государственное дело.

– Привет работникам зоотехнии! – увидев выходящего на обед Сергеича, крикнул Гришин.

– Здравствуйте, товарищ оперуполномоченный.

– Какие новости?

– Ничего интересного, новости сейчас в газетах, в каждом номере пишут о вредителях.

– Это да, но пишут мало, огромное количество врагов ещё скрывается под маской поддержки советской власти, а в глубине души думают об обратном. Может, какие разговоры слышали, кто-то недоволен существующим положением?

– Да никто, все поддерживают политику партии, разве что мой отец всё время брюзжит по-стариковски.

– Так, интересно, а чем недоволен наш прославленный доктор?

– Ну как обычно – читает газету и комментирует новости.

– Это не запрещено, для того и пишут, чтобы страна знала, что происходит. Может, ещё что?

– Да чего там, в гости к нам ходят медики разные, старичьё, сидят, пьют чай, вспоминают старое.

– А кто ходит?

– Доктор Кадников с женой недавно были, Илиодор Снежко, ещё кто-то – фамилии не знаю.

– Что обсуждали?

– Больше по профессии, ругали, что закрыли водолечебницу, что квалифицированных специалистов не ценят, бросают на затыкание дыр, что передали здание медицинского учреждения под квартиры ответственным работникам.

– Интересно!

– Ах да, ещё обсуждали пропажу в Париже генерала Миллера, с войсками которого Красная армия боролась на Севере после революции.

– И что говорили?

– Я уже и не помню.

– Поддерживали генерала?

– Просто удивлялись, кому это выгодно.

– Ну и кому же?

– В газетах пишут, что Германии, но доктор Кадников, как бывший политик, говорил, что всё может быть по-другому, он вообще военным не верит. Отец ещё тогда уколол его, что большевики расправились с его партией именно военной силой.

– Какой партией?

– Кажется, народной свободы.

– Так это же кадеты – запрещены законом. И что, этот Кадников до сих пор активен?

– Не могу сказать, не знаю, отец говорил, что раньше доктор Кадников был политическим лидером, и он в 1917 году голосовал за список кадетов из-за своего знакомства с ним.

– Вот даже как! Спасибо за информацию.

– Но это же всё слова, – вдруг испугался Сергеич, – старики, всем далеко за семьдесят – что они могут: только болтать за чаем.

– Ты не волнуйся, дорогой товарищ, мы просто берём на заметку всех недовольных, особенно из числа «бывших». Будем за ними приглядывать.

– Надеюсь, не более того?

– Конечно, ну кому нужны эти старикашки.

– Вы извините, товарищ, у меня обед заканчивается.

– Пойдёмте в столовую, нас без очереди обслужат.

Они отправились в заведение общественного питания – то самое, о котором плохо писали в газетах.

Увидев удостоверение сотрудника НКВД, заведующий столовой вспотел, подскочил к Гришину и шипящим от волнения голосом произнёс:

– Рад видеть, очень рад, столик для вас всегда на броне. Лида, – крикнул официантке, – обслужи, товарищи торопятся.

Собеседники уселись за столик; подавальщица, приторно улыбаясь, принесла заказ. Поели вкусно и недорого.

– Ну вот, Серёжа, видишь, не всё так плохо: критика в газете пошла на пользу. Всё в рамках социалистической законности. Для того и работаем.

– Я вам верю, – ответил Сергеич.

После обеда Гришин пришёл в управление и написал рапорт на имя начальника. В донесении говорилось, что бывший кадет Кадников ведёт антисоветские разговоры, вовлекает в них доктора Сергея Фёдоровича Горгалова, врача Снежко и других представителей медицинского сообщества. Гришин просил разрешения у начальника взять доктора Кадникова в разработку.

Ответ удивил даже бывалого оперативника: ему было предписано немедленно арестовать Кадникова как представителя враждебной социализму партии, так и не разоблачившегося перед советским народом.

Оперативная машина приехала ночью. Доктора с женой задержали, увезли в тюрьму на Советском проспекте. По иронии судьбы Кадников именно там и работал, в тюремной больнице.

«Ну вот, доставили за казённый счёт на работу», – пошутил Павел Александрович.

Он, как и большинство, посчитал, что произошла ошибка, которую, разобравшись, исправят. Доктор был не в курсе партийных установок, где ясно указывалось, что члены различных антисоветских партий, даже бывшие, являются врагами советской власти и подлежат аресту как обвиняемые по первой категории.

Глава 4

Уборщица кооператива «Вологжанин» Лизавета Мишенникова шла с работы по улице. Уборка – дело раннее: к началу рабочего дня всё должно быть намыто. Лизавете тридцать шесть лет, вдова, муж погиб – утонул в реке. Виной всему пьянство и неуёмная удаля «во хмелю». Но Лизавета не одна, у неё дочь Анна двенадцати лет, долгожданное любимое чадо.

Лиза – человек верующий, поёт в церковном хоре. У неё удивительно красивое сопрано, оно чудно звучит в стенах храма. Живут они с дочерью скромно – настолько, что даже знакомые мало знают о ней. И правильно, скрывать Лизавете есть что.

В Вологде она с родителями оказалась в 1918 году: бежали от голода из Петрограда, так многие тогда делали. Здесь было гораздо лучше с продуктами, можно переждать тяжёлые времена. Отец Лизы, отставной генерал русской армии по фамилии Мизенер, после революции лишился пенсии, и семья очень нуждалась.

Тогда же, весной 1918 года, с ней приключилась история, едва не стоившая Лизавете жизни. В городе находились иностранные посольства, и смешной негр-американец предложил ей подработать на кухне у американского посла.

Отчего бы не поработать, деньги очень нужны. Но вместо работы случилось невероятное. Один из дипломатов, узнав, что новая кухарка – дочь русского генерала, пригласил её в качестве гостя на пятичасовое чаепитие – «five o'clock tea». На том вечере она пела и играла на рояле.

Лиза никогда не забудет этот день. Блестящие дипломаты, молодые атташе и секретари, серьёзные советники в годах и сам американский посол – Дэвид Френсис. Все как один смотрят на неё, улыбаются и аплодируют каждому номеру.

Как давно это случилось, а как будто вчера!

Посол предложил Лизе давать ему уроки французского, чтобы лучше понимать коллегу из Парижа, который со штатом квартировал в соседнем доме. А ещё у неё начался роман с молодым офицером Иваном Смысловым.

Всё исчезло в один момент: дипломаты уехали в Архангельск, Смылова арестовала ЧК, и где он, Лиза так и не узнала. Её с родителями тоже арестовали, и когда руководившим в Вологде большевикам Кедрову и его сожительнице Ревекке Пластининой стало известно, что дочь генерала ходила в посольства и как равная общалась с иностранными дипломатами, судьба её была решена. Расстрел.

Чудо спасло Лизу: её раненую подобрали мародёры и, сжалившись над девушкой, спасли от смерти. Потом была тайная жизнь в городских трущобах, знакомство с рабочим завода Мишенниковым и скорое замужество по необходимости – какая уж тут любовь.

Муж пил, в пьяном виде распускал руки, говорил, что она у него в кулаке и он знает тайну. Лиза молчала – что ей оставалось делать. В 1924 году она наконец-то забеременела, встретила доктора Горталова, с которым была знакома со времён посольских приёмов; тот узнал дочь генерала и очень помог. Она и теперь его иногда встречает в городе. Доктор раскланивается и всегда спрашивает о здоровье самой Лизаветы и дочери.

Навстречу женщине по улице шёл человек в обычной гражданской одежде с коротко подстриженной бородой. Лизавета, подойдя вплотную, сразу же узнала его. Это был отец Иоанн Мальцев, в прошлом – обновленческий настоятель Пятницкой церкви, где она была прихожанкой, исповедовалась и пела на клиросе. Да и как было не узнать человека, с которым она общалась больше года, пока тот не покинул Вологду и не уехал в Череповец, где обновленчество было очень сильно. Говорили, что там он получил чин архиерея – и это при наличии жены и дочери. У обновленцев брак среди высших иерархов был в порядке вещей. Впрочем, батюшка был добр к своим чадам, и Лизавета искренне жалела, что община вернулась в патриаршее

лоно и обновленцу-настоятелю пришлось уехать. Разница в подходе к вере ей казалась несущественной. Те и другие – православные.

– Благословите, батюшка?

– Человек в гражданской одежде остановился, огляделся кругом и как бы нехотя подал руку для поцелуя.

Лиза поцеловала длань, подняла глаза и произнесла:

– Отец Иоанн, вы ли это?

Мальцев не ожидал, что его признают: прошло 12 лет, как он уехал из Вологды. Он сильно изменился: от прежнего настоятеля Пятницкой церкви Иоанна Мальцева мало что осталось, разве что быстрый взгляд карих глаз, которые не забыть тем, кто знал настоятеля близко. Мальцев тоже узнал бывшую регентшу хора – да и как не узнать – послушать её пение собиралось немало народу, а это свечи, требы и прочие церковные доходы. Однако выдавать себя он не спешил.

– Вы меня путаете с кем-то, раба Божия.

– Да нет, отец Иоанн, это же я, Лиза Мишенникова, я у вас в Пятницком храме в хоре пела.

Видя, что отпираться бесполезно, Мальцев тихо сказал:

– Раз уж ты узнала, что это я, отрицать не буду.

– Вы же уехали в Череповец, в другую губернию?

– Да, уезжал, и скажу более, честно служил там в Воскресенском соборе. Теперь служу в другом месте, в Вологде я проездом.

На самом деле Мальцев хитрил, в Вологду его привели обстоятельства, о которых никто не должен был знать. Спасая себя от ареста, он подписал с органами НКВД соглашение о взаимной помощи, где обязался докладывать о всех, кто был когда-то связан с белыми, иностранцами и выражал недовольство советской властью.

– Рада вас видеть, батюшка, очень рада! – Лизавета снова поцеловала руку священника и произнесла, – это Господь сподобил меня вас узнать!

– Только прошу, не надо об этом никому рассказывать, времена сейчас тяжёлые – для нас, священнослужителей, особенно.

– Конечно, о чём речь, отец Иоанн, нешто я не понимаю?

Они пошли каждый своей дорогой. Лизавета радовалась встрече с настоятелем. Мальцев, наоборот, был озадачен. Ему не нужны были люди, которые знали ту его жизнь. Мало ли что вспомнят.

Сотрудник оперативного сектора Гришин был человек с активной позицией. Партия дала указание – органы должны выполнять его. Целый день он занимался розыскной работой, встречался с сексотами, добровольными помощниками, просто равнодушными гражданами и разного рода «болтунами». Так называли в управлении людей, которых можно было вывести на откровенный разговор. В один из дней Гришину сообщили, что в городе появился священник по имени Иван Мальцев, который ведёт контрреволюционную пропаганду. Бывая в гостях у разных людей, Мальцев в разговорах ругал политику советской власти, говорил, что скоро наступит Божья расплата за все грехи, и на суд Божий отправятся те, кто помогает власти. Люди суда Божьего боялись и не знали, как себя вести. Кто-то осторожно поддакивал Мальцеву, кто-то благоразумно молчал, а кто-то сообщил оперативнику Гришину о высказываниях священнослужителя. Тот немедленно написал рапорт с предложением арестовать Мальцева за контрреволюционную агитацию. Каково же было его удивление, когда начальник оперативного сектора синим химическим карандашом начертал резолюцию: «Не трогать, это наш агент».

У Гришина не помещалось в голове, как так можно? Начальник, похлопав его по спине, заметил:

– Это агентурная игра, называется «на живца». Задача агента – разговорить вероятного «контрика», увидеть его изнанку. Человек способен маскироваться, но в компании тех, кому доверяет, показывает своё истинное лицо. Понимаешь? Таким образом мы выявляем скрытых врагов. Им тоже не уйти от революционного правосудия.

– Понимаю, – кивнул головой Гришин.

В управлении между кабинетами тонкие перегородки. Раньше при монастыре комнаты были большие, после революции произошло уплотнение и старые помещения перегородили. Из одной комнаты получалось два кабинета. Слышимость отличная – особенно, когда кричат. Оперативник сел писать рапорт, но какие-то звуки из-за стены мешали сосредоточиться. Он встал, зашёл в соседний кабинет. Следователь Николай Суконкин, мужчина чуть за тридцать, попавший в органы по рабочему призыву, стремился как можно скорее зарекомендовать себя на фронте борьбы с контрреволюцией. В кабинете во время допроса он пытал арестованного водой. Тот был привязан к стулу, а следователь лил ему в открытый рот воду. Подследственный захлебывался, издавал булькающие звуки. Когда Суконкин наполнял новую бутылку, тот хрипел: «Пощадите, это ошибка, я ни в чём не виноват». Следователь, казалось, не слышал воплей: деловито разжав зубы арестованного, он вставлял ему в рот бутылку с водой. Несчастный вынужден был через силу глотать жидкость.

– Пей, голубчик, – ласково приговаривал Суконкин, – пей, пока воды вдоволь.

– Я не могу больше терпеть, отпустите меня в уборную? – взвыл арестованный, когда бутылка опустела.

– Ишь, чего захотел, – покачал головой следователь, – тут для арестованных туалетов нет, только для сотрудников.

– ААА! – вдруг закричал испытуемый, и между ног его появилось большое тёмное пятно.

– Ах ты, падла, обоссался. На тебе! – Суконкин несколько раз ударил связанного. Тот упал на пол прямо в лужу из собственной мочи.

Тут уж не выдержал Гришин.

– Николай, ты это того, потише, зашибёшь ещё ненароком, товарищ Жупахин будет недоволен.

– Да какая разница, всё равно этот пойдёт по первой категории, конец-то один.

– И всё-таки так не стоит, – произнёс Гришин, – как минимум ты мне мешаешь работать, я в соседнем кабинете.

– Хорошо, – кивнул Суконкин. – Конвой, увести арестованного!

Солдат охраны развязал верёвки, слегка поддал прикладом в спину и скомандовал: «Пшёл!»

– Скажи уборщице, чтобы затёрла гадость.

– Передам, товарищ следователь.

Через несколько минут пришла молодая девушка в чёрном халате с ведром и тряпкой.

– Рад тебя видеть, душечка, – заворковал Суконкин, – ты уж извини, что напачкали: арестант пошёл хлипкий, чуть что – и напрудил.

– Я приберу, товарищ следователь, это моя работа.

Девушка-уборщица затёрла жидкость с пола, сменила воду, вымыла и насухо вытерла. Пол стал как новенький.

– Кому-то ты, такая заботушка, достанешься, – распустил перья Суконкин.

– Уж точно не вам.

– Откуда такая уверенность, у вас что, и кавалер имеется? Кто же он, расскажите, – с деланным уважением произнёс следователь.

– Имеется, – ответила уборщица, – а кто он, вам говорить нельзя.

– Это почему же?

– Потому что обделаетесь, а мне убирать.

– Вооон! – закричал оскорблённый Суконкин.
– Ты, дорогой товарищ, остынь, – примирительно сказал Гришин, – она не врёт. Это Вера Сафонова, племянница завхоза управления, связываться с ним я бы тебе не советовал.
– Подумаешь – чин, – буркнул себе под нос Суконкин, сел за стул и уткнулся в бумаги.
Гришин ушёл к себе, стало тихо, никто не мешал работать.

Доктор Горталов был вне себя от возмущения:

– Представляешь, Варя, – кричал он жене, – они арестовали Кадникова, этого замечательного врача, спокойного и рассудительного человека, отдавшего делу здравоохранения три с лишним десятилетия. Это произвол, мы не должны молчать. Я немедленно сажусь писать заявление.

– Кому, Сергей Фёдорович?

– Ну как, властям...

– Каким: партийным или советским?

– А какие принимают решения?

– НКВД.

– Почему?

– Так получилось, теперь партийные дрожат перед чекистами, скоро сами себя начнут уничтожать, да впрочем, уже начали – ещё в 1934-м, после убийства Кирова.

Горталов задумался.

– Ты права, душа моя, но всё-таки надо писать, надо бороться, иначе молох раздавит всех.

– Ты не боишься? У нас дети...

– Сын за отца не отвечает – так, кажется, сказал товарищ Сталин. Я жизнь прожил – чего мне бояться. Вон Шолохов не боится, и Горький, говорят, не боялся, и ещё многие, своих надо защищать.

– Так всё же кому писать будешь?

– Первому секретарю Рябову, у нас партия – главная сила.

В тот же день доктор Горталов отправил письмо первому секретарю Центрального Комитета ВКП(б) по Вологодской области товарищу Рябову, где хлопотал за освобождение доктора Кадникова, называя арест страшной ошибкой.

Через неделю был получен ответ, что задержание санкционировано органами НКВД, ведётся следствие, и если Кадников ни в чём не виноват, то его отпустят.

– Остаётся надеяться на чудо, – сказал жене доктор Горталов.

– Надежды юношей питают, – отозвалась она, – иди обедать, мой мальчик!

Лизавета Мишенникова пришла в Богородице-Рождественский храм к вечерней службе, сняла верхнее, накинула платок. Певчим надо выглядеть скромно и опрятно. Как же ей хотелось рассказать другим певчим о своей встрече с батюшкой, отцом Иоанном Мальцевым. Терпения хватило на первую четверть часа.

– Знаешь, кого я сегодня видела? – шёпотом спросила она другую певчую (вместе с ней они были в хоре Пятницкой церкви при настоятельстве протоиерея Мальцева).

– Кого, чёрта лысого? – женщина перекрестилась. – Прости Господи меня грешную.

– Да нет же, я серьёзно. Я встретила на улице отца Иоанна Мальцева.

– Да ты что, он же давно уехал в Череповец.

– Тут он, постарел, конечно, бороду подстриг, а глаза всё те же. По ним я его и узнала!

– Чудеса! А что он делает в Вологде?

– Не знаю, может, по делам приехал, а может, жить вернулся, у него тут домик.

– Интересно как. Он всё ещё «живец»?

– Не знаю. Судя по бороде и одежде – да. Наши-то попы бороды не бреют и ходят в церковном облачении, а обновленцы – наоборот.

– Наверное, будет у нас служить в верхнем храме, там как раз обновленцы, и службы у них давно не было.

– Кто знает, но я всё равно рада, что встретила его. Он мне тогда очень помог в своё время.

– Всё в руках Господа нашего!

Священник Иоанн Мальцев в конце концов нашёл в городе лиц, которые приняли его с сочувствием. Он рассказывал им, как подвергался гонениям, как страдал за веру. Его слушали и верили. Люди вообще верят священникам: если не им, то кому ещё можно раскрыть душу?

– Я давно не был в Вологде, не знаю, что и как, много ли храмов осталось?

– Немного, батюшка, всего два кладбищенских: Богородицкий на два служения и Лазаревский.

– Я слышал, в Лазаревском григорианцы, а у Богородицы «живая церковь»?

– Так-то оно так, только народу у них мало, а в патриаршем храме, что у Богородицы внизу, не протолкнуться. Видно, где истина!

Мальцев молчал: что было говорить, когда обновленчество – дело его жизни – пришло в полный упадок. Вроде бы поначалу в 1921 году почитай половина приходов была за обновленцами, и власть им благоволила – не как патриаршим. Но всё понемногу сдулось. Главный обновленческий храм в Вологде – Воскресенский собор – закрыли, здание передали музею. Осталась половина храма на кладбище за железной дорогой, и там народу – на пальцах сосчитать.

Мальцев чувствовал личную ответственность за провал «живой церкви» и очень переживал.

– А что там у патриарших, кто сейчас архиерей?

– Бывший московский викарий владыка Иоанн.

– Почётно – с самой Москвы!

– Не знаем, у нас о нём разное говорят.

Мальцев насторожился:

– Что именно?

– Гонору, говорят, в нём много: речи ведёт важно и спесиво. Видно, что столичный архиерей. В баню в Москву ездит, местной-то брезгует. И вообще странные дела творит, чудит. Приказал спороть подкладки со всех архиерейских облачений и выстирать. Некоторые фелони семнадцатого века – и с тех пор не стираны были. Очень он до гигиены привередлив.

– Что же в этом плохого?

– Старину не чтит.

– А миряне что?

– Миряне молятся, не их это дело.

– Много ли юродивых у храма, есть ли среди них прозорливцы?

– Насчёт прозорливцев не знаем, а вот юродивый есть. Зовут его Николай. Чудной мужик. Однажды прибил себе кисть левой руки гвоздём к досочке, вроде как страдания Христовы повторил, вот только крови у него, как у Христа, не было. Другой раз, кажется, в прошлую Пасху, пришёл в храм наполовину голый с двумя топорами за поясом, но староста его унял!

– Бесноватый, – поставил диагноз Мальцев.

Настало время спросить о главном:

– К новой власти у патриарших какое отношение?

– Всякая власть от Бога.

– Это так, но не все это понимают. Вот у нас в Череповце некоторых из священства арестовали, говорили – против советской власти.

– И здесь такое бывало. Бывшего архиерея владыку Стефана под арест взяли. А до того ему знамение было: порвалась цепь наперсная и панагия упала на пол. А ещё в тот день собака чёрная в храм забежала. Собака есть воплощение дьявольское. Худая примета!

– За что же его взяли?

– За веру, однако. Сослали владыку на север, сначала на вольное поселение, а потом, того хуже, отправили в лагерь. Там он и помер, и где могила – неизвестно. Одна боголюбивая женщина видела его незадолго до смерти. Обрит наголо, носил, как и все, щебень и песок в основание дороги. В его-то годы!

– И то правда, – вопрошающе, с ноткой задумчивости, будто рассуждая сказал Мальцев, – иная власть против Бога сущностью своей.

– Господь с вами, такие речи ведёте!

Содержание одной из таких бесед и стало известно оперативнику Гришину, потребовавшему арестовать Мальцева, но получившему отказ.

Весь октябрь в Вологде продолжались аресты. Чекисты выполняли разнарядку, шутка ли – столько народу взять под стражу и каждого допросить, получить признание, а потом отправить дело для определения вины на «тройку».

В конце месяца Жупахин наконец-то получил утверждённый список состава «тройки», но удовлетворения не почувствовал. Не было поддержки ни со стороны прокуратуры, ни от партии. Это особенно беспокоило начальника управления НКВД: всё приходилось решать в одиночку, а это огромная ответственность. Армия сотрудников органов внутренних дел, оказавшаяся под его руководством, выполняла все предписания, но как бы нехотя, с ленцой, оглядкой назад – как бы чего не вышло. Правда, не все.

Радовали Сергея Георгиевича белозерские сотрудники: Власов, Ёмин, Портной. Этим не надо повторять – сделают в лучшем виде.

На очередном совещании Жупахин спросил Власова, может ли белозерский оперативный сектор дать на «тройку» больше других районных организаций НКВД? Власов не раздумывая согласился. Жупахин ещё тогда подумал: «Белозерск – городок небольшой, населения всего тысяч десять, включая старых и малых, разойтись негде». Но Власов его заверил: лимиты по категориям будут выполнены.

– У вас есть награды, Иван Тимофеевич? – спросил его как-то начальник НКВД.

– Никак нет, – ответил Власов, – послужной список невелик.

– Ну это дело наживное. Партия заботится о передовиках, в том числе и по нашему направлению.

– Очень был бы рад награде, вот тёзка мой Иван Ёмин, старший лейтенант в отставке, тоже наш, белозерский, он со мной с одного года, но у него послужной – дай бог каждому. Сам из сельских пролетариев, батрак. При царской власти воевал, потом революция, служил в Белозерской ЧК, был следователем. В 1922 году во время службы армии в должности командира и военного комиссара батальона награждён орденом Красного Знамени. Потом работал в милиции и ОГПУ. По болезни отправлен в отставку, но по-прежнему на посту, моя правая рука. Смотрю я на его орден и по-хорошему завидую.

– Будет и у вас награда, товарищ Власов, следуйте указаниям, выполняйте планы по лимитам, – Жупахин похлопал лейтенанта по плечу. – Все когда-то начинали, в нашем деле главное – дисциплина и настойчивость. Вы хорошо показали себя в деле кирилловских церковников, ещё пара таких «альбомов», и я лично буду ходатайствовать перед наркомом Ежовым о награждении вас высокой правительственной наградой.

– Служу трудовому народу! – козырнул Власов.

Вечером Сергей Георгиевич, расположившись на диване, рассуждал перед женой:

– Знаешь, Настя, сегодня я перечитывал речь товарища Сталина на выпуске из академии Красной армии – очень глубокая речь.

– Это где про «кадры решают всё»?

– Не только, вот послушай, – Жупахин достал тетрадь, куда записывал всё важное.

«В таком большом и трудном деле нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. Успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет. Необходимо вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперёд к великой цели, не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах».

– Как сказано, в самую точку! А вот ещё:

«Мы выбрали план наступления и пошли вперёд по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма в нашей стране». Понимаешь, это о ком?

– Думаю, что о троцкистах.

– И не только: это обо всех, кто не понимает партийной стратегии и, следовательно, вредит развитию социализма.

– А если неосознанно, не все же стратеги, некоторым хочется устроенный быт, тихую жизнь, хорошую зарплату.

– Да не будет этого, – Жупахин привстал с дивана, – враги не дадут нам спокойной жизни. Поэтому наша задача, органов внутренних дел, – беспощадная борьба с любыми искажениями генеральной линии партии. Сегодня он сомневается, завтра предаст!

– Ты это о ком, Сергей?

– Да о ком угодно. Вот же, написано:

«Эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета, они угрожали кое-кому из нас пулями. Они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди забыли, что мы, большевики, – люди особого покроя, большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами. Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Что чем сильнее беснуются враги и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше закаляются большевики для новой борьбы и тем стремительней двигаются они вперёд».

Вот что главное в этой речи, а совсем не про кадры. Кадры – дело наживное. Людей наберём, желающих служить делу социализма очень много, но много и тех, кто против. Именно с ними товарищ Сталин призывает вести борьбу. Именно об этом говорит нам нарком Ежов, и я, нисколько не сомневаясь, буду претворять это в жизнь.

– Ишь ты, разошёлся. Ты со своей работой совсем перестал интересоваться сыновьями, а между тем они учатся в школе, у них новые друзья. Вчера к нам приходил играть мальчик Изя из первого дома.

– Что ещё за Изя?

– Изя Подольный – очень интересный кудрявый мальчик.

Жупахин хмыкнул: непонятно, была ли ему по сердцу дружба сыновей с каким-то Изей. Неизвестно, из какой семьи мальчик, надо проверить.

В ту ночь выпал снег, осень закончилась. Не было больше жухлых листьев под ногами, зато на белом снегу стали видны следы. Разные следы, в том числе и врагов, с которыми надо разбираться самым решительным образом.

Глава 5

В первых числах ноября 1937 года была арестована вся верхушка партийной и советской власти: первый секретарь Рябов, второй секретарь Люстров, член «тройки», председатель обл-исполкома Командиров, секретари районных ячеек ВКП(б) и комсомола, редактор областной газеты «Красный Север» Шульгин и многие другие.

Это был подарок органов НКВД к очередной годовщине советской власти.

10 ноября о задержании «двурушников и троцкистов» объявили по радио. Для членов семей ответственных работников всё изменилось в один момент. Последовали выселения с занимаемой жилплощади, отменили спецпайки, но самым ужасным было то, что окружающие – все как один – молча отвернулись от опальных партийцев. Как будто и не было старой дружбы, уважения и многих лет совместной работы. Никто не подал руки помощи: все боялись за себя.

По ночам, когда ездил «воронок», забирающий очередного несчастного, соседи, услышав чеканные звуки сапог на лестнице, вжимались в кровати, напряжённо вслушиваясь в темноту: где остановятся? Если звуки удалялись, напряжение спадало: «Не к нам, можно спать». Все как один – и военные, и штатские, и старые большевики, и комсомольцы – набрали в рот воды и послушно молчали.

– Ведут себя как бараны, которых ведут на заклание, да хуже баранов, те хоть блеют, а эти молчат, как заговорённые, – возмущался доктор Горталов.

– Отец, ты бы тоже помолчал: не дай бог, кто узнает, о чём ты говоришь, – ответил ему сын Михаил.

– Я тебя бояться не учил: мы, Горталовы, никогда не боялись; твой дед покрыл себя славой на войне с турками под Плевной, память его не посрамлю.

– Другие времена сейчас, папа: твой пафос никого не заинтересует, а вот антисоветские высказывания, которые слетают у тебя с языка, могут.

– Он прав, – подключилась к разговору супруга, – язык твой погубит тебя. Дружок твой Кадников уже сидит.

– Бог не выдаст – свинья не съест, – гордо ответил Сергей Фёдорович.

– Ну как знаешь!

Через неделю после ареста партийной верхушки 13–14 ноября 1937 года в Вологде состоялся партийный актив, на котором присутствовал начальник Управления НКВД по Вологодской области товарищ Жупахин. Он сидел в президиуме сбоку, чтобы удобнее было наблюдать за присутствующими. Руководители областного, городского и районного уровней, директора предприятий дружно каялись в своей политической недалёковидности.

– Мы не сумели распознать замаскировавшихся врагов народа, – повторялось от одного докладчика к другому.

Бывших партийных руководителей Рябова, Люстрова, редактора Шульгина и других теперь именовали «агентами троцкистско-бухаринского блока», «сознательными вредителями делу социалистического строительства». Самые решительные требовали от органов НКВД побыстрее покончить с вырожденцами и, сплотившись вокруг коммунистической партии, уверенно идти дальше по пути социалистического строительства.

Доклады прерывались бурными и продолжительными аплодисментами. Жупахин был доволен: народ поддерживает борьбу с врагами – значит, надо действовать ещё решительнее, ещё тверже.

Перед арестом «первых лиц» он послал список на утверждение наркому Ежову и получил от Николая Ивановича полное одобрение.

К доктору Горталову пришли утром. Сергей Фёдорович уже позавтракал и готовился к приёму. На частную практику докторов власти смотрели сквозь пальцы: специалистов не хватало. Калитку, ведущую на Петровскую улицу, Горталовы днём не запирали – ждали посетителей.

- Сергей Фёдорович Горталов? – спросил доктор человек в форме.
- Чем могу быть полезен?
- Я по поводу вашего письма в адрес бывшего первого секретаря Рябова.
- Доктора Кадникова освободят?
- Пока нет, но вам надлежит проехать с нами в управление для дачи показаний.
- Хорошо, я поеду.

Сергей Фёдорович надел пальто, галоши, взял трость.

- К обеду ждать? – спросила жена.
- Обязательно, очень хочется куриного супа.

Сотрудники органов были вежливы, ничто не предвещало плохого – мало ли какие разъяснения нужно дать? Он уже давал нечто подробное в 1931 году – ничего, обошлось. Доктор Горталов сел в автомобиль и поехал в управление НКВД для дачи показаний.

В кабинете его уже ждал следователь. Перед ним лежала папка с бумагами.

- Горталов Сергей Фёдорович?
- Да, простите, не знаю, как к вам обращаться?
- Это неважно, можно просто «товарищ следователь». Какие у вас отношения с арестованным Кадниковым?
- Приятельские, он доктор, мой старинный знакомый, мы вместе работали, даже в гости друг к другу ходили.
- Замечательно, а что вы знаете насчёт его антисоветской деятельности?
- Ничего не знаю.
- Позвольте, – следователь открыл папку, – вот тут написано: «Кадников, как бывший кадет и человек довольно твёрдый, точно так же быть вполне советским человеком не может». Это ваши слова?
- Подождите, – доктор растерялся, – откуда это у вас?
- Допрос следователя Чуксина в отношении доктора Горталова от 16 марта 1931 года.
- Я уже и не помню, что тогда говорил, – беспомощно улыбнулся Горталов, – давно дело было.
- Бумаги всё помнят, Сергей Фёдорович. 27 марта того же года вы показали, что вели антисоветские разговоры с группой лиц, куда входил и бывший кадет Кадников. Вот, убедитесь сами.

Следователь поднёс к лицу Горталова написанный от руки протокол. Тот надел очки, прочёл:

«Разговоры велись при случайных встречах в больнице, вообще где-либо». «Политические настроения интеллигенции до сих пор остаются в их идеологических мышлениях не советскими».

- В конце листа ваша подпись.
- Вынужден подтвердить, что на листе действительно моя подпись. Но это говорилось в 1931 году, шесть лет назад, с тех пор прошло много времени: лиц, о которых я говорил, многих уже нет в живых, вот доктора Шадрина, например.
- Но доктор Кадников жив и ведёт активную антисоветскую деятельность.
- Я не знаю.
- Он изобличён вашими показаниями 1931 года.

Горталов опустил голову: то, чего он так боялся, случилось. В папке хранились его допросы в качестве «валютодержателя» с характеристикой людей из его окружения. Сейчас они возьмут всех по списку. Господи, вот же дурак, откровенничал себе на голову, да ладно сам – других подвёл.

Горталов покраснел от напряжения:

– Вы знаете, всё это было давно, всё переменялось, никаких антисоветских настроений давно нет: все мы занимаемся только профессиональной работой, лечим людей. Я в политике вообще не разбираюсь, я в этом деле профан.

– Да, тут так и написано, профан.

– Неужели?

– Извольте убедиться.

Горталов прочёл собственные показания и ещё больше расстроился. Слишком много фамилий, некоторые ещё живы и сейчас, наверняка будут арестованы. Что же он наделал!

– Могу я идти домой, раз я ответил на все вопросы?

– Боюсь, что нет.

– Почему? Жена ждёт меня к обеду.

– Обед вам предоставят за казённый счет. Я вас задерживаю по подозрению в связи с врагом народа Кадниковым Павлом Александровичем. Сейчас вас отведут в камеру, и вы вспомните, о чём ещё говорили в своей компании.

Доктор Горталов молчал: он всё понял. Он, старый болтун, не только наговорил на себя сам, но и подвёл других. Но это всё – больше они от него не услышат ни единого слова.

На другое утро жена Горталова Варвара Николаевна пришла в тюрьму на Советском проспекте, принесла смену белья и передачу с едой. Посылку приняли, но встретиться с мужем не дали. Не положено: идут следственные действия.

Начальник Белозерского оперативного сектора Иван Тимофеевич Власов хорошо запомнил обещание майора госбезопасности Жупахина о награждении инициативных работников. Ему очень хотелось иметь орден: дело было за тем, чтобы представить на «тройку» необходимое для «альбома» количество обвиняемых. Хорошо обдумав свои действия, он собрал подчинённых.

– Товарищи чекисты, руководством поручена нам операция под названием «Вербовочная комиссия». Предупреждаю, дело совершенно секретное, разглашение будет караться по всей строгости. Вам ясно?

– Чего яснее, – заметил отставной чекист Ёмин, – мы понимаем, дело государственной важности.

– Вот именно, партия ставит нам задачу – выявить как можно больше врагов народа и направить их дела на «тройку» для оперативного решения вопроса о наказании. Мною разработана операция, выделены премиальные в фонд оплаты, ваша задача – строгое выполнение поставленной задачи.

– Ясно, товарищ лейтенант госбезопасности.

– Нами создаётся вербовочная комиссия на стройки народного хозяйства среди арестованного контингента, на который нет каких-либо компрометирующих материалов. Обвиняемые думают, что проходят лечебную комиссию: на самом деле подписывают признательные протоколы с последующим направлением на «тройку».

– Это же подло! – чуть слышно возразил молодой оперативник Анисимов.

– Это приказ!

– А товарищ Жупахин в курсе?

– Он увидит материалы на «тройке» и всё поймет.

– Итак, распределим роли. Один будет «доктором»: выдадим ему белый халат, инструменты. Его задача – осматривать арестованных и делать заключение «годен» – «не годен».

– По каким признакам, среди нас же нет медиков?

– И не надо, берём тех, кто покрепче, чтобы лишних вопросов не было, негодных быть не должно. Ещё трое во главе со мной будут агентами вербовочной комиссии. Наша задача – писать обстоятельные протоколы по заранее заготовленным образцам. Три человека – три разных почерка, чтобы не было повторений; проявлять фантазию. Всё должно быть натурально. Ясно? Да, по итогам работы каждому положена премия – 15 рублей.

На другой день члены «комиссии», переодевшись в штатское, отправились в тюрьму. Контингент из числа задержанных был заранее отобран. Никаких сведений о контрреволюционной деятельности в их делах не было: кто-то попал под арест по мелкой уголовной статье, кто-то – по пьяному делу или за драку.

Для работы подготовили помещение. «Доктор» надел халат, повесил на шею фонендоскоп; члены комиссии сели за столы, разложив бумаги. Приказали вводить арестованных по одному.

Входивший называл себя, ему приказывали раздеться, «доктор», давясь про себя со смеху, осматривал человека, кричал: «Годен». «Призывник» подходил к одному из «членов комиссии», ещё раз говорил фамилию, имя и отчество, ему протягивали бумагу для росписи, которую не давали читать, торопили. Конвейер работал так, что за четверо суток оформили 200 человек.

Протоколы, которые подписывали несведущие граждане, содержали сведения о контрреволюционной работе. Причём обязательным был перекрёстный принцип. Каждый, сам того не ведая, сдавал комиссии под видом друзей и знакомых будущих подельников и собственноручно подписывал показания на первую категорию. Далее протоколы собирались в «альбом» и отправлялись в Вологду на «тройку», где решением товарища Жупахина, который руководствовался исключительно протоколами, определялась степень вины. Всё по закону. Власов и его подчинённые получили благодарности.

Священник-обновленец Иоанн Мальцев не оправдал надежд своих кураторов. Никаких важных сведений не принёс, по его рапортам были арестованы несколько человек, имевшие неосторожность откровенничать, но всё это были отдельные случаи, а надо было разоблачать контрреволюционные организации. Зато сам он едва не попал в ситуацию.

На очередной встрече куратор неожиданно спросил отца Иоанна:

– Есть сведения, что вы, уважаемый, в 1918 году состояли членом контрреволюционной организации эсеров и хранили у себя в храме денежные средства заговорщиков.

Мальцев побледнел:

– Это клевета, страшная клевета. Я священник, а не политик.

– Слабое оправдание, куда дели деньги?

– Никаких денег в глаза не видел.

– Фамилии Савинков и Турба вам о чём-нибудь говорят?

– Савинков, который Борис, так он умер, а Турбу я не знаю.

– А зря, в архиве ЧК сохранился допрос Турбы как фальшивомонетчика, и там он сознаётся, что хранил фальшивые деньги в церковном сундуке в Пятницкой церкви.

– Что? Не верю, не было этого, покажите документы!

Лицо Мальцева налилось яростью. Он не знал, откуда чекисты пронюхали про дела давних лет, но понимал: если бы у них действительно что-то было, он бы давно уже готовился предстать перед Всевышним с пулевым отверстием вместо пропуска в рай.

– Послушайте, я стараюсь, как могу, но люди замкнулись в себе, все боятся всех; никто, как раньше, в гости не ходит, чай не пьёт. Ещё все знают, что я обновленец, церковь наша

сейчас в глубоком упадке; кто-то пустил слух, что все обновленцы – агенты НКВД, люди мне не верят.

– А что, разве не так? – захохотал куратор.

– Подождите, – вдруг спохватился Мальцев, – кажется, я знаю, кто будет вам интересен.

– Давно бы так.

– Недавно, буквально несколько дней назад, в городе случайно меня узнала одна женщина, Лизавета Мишенникова, она у нас в храме в 1924 году певчей была – удивительный, знаете ли, голос.

– И что?

– А то, что Мишенникова она по мужу, а в девичестве фамилия была другая, и папаша у неё царский генерал, расстрелянный Кедровым в 1918 году.

– Вот это уже интересно, у нас как раз по группе «дворяне» недобор.

– Она мне на исповеди говорила, что одни злые люди её расстреливали, другие злые, грабители, спасли, и Господь, дескать, в том свидетель.

– А за что расстреливали?

– Сказала, что была знакома с американским послом Френсисом и другими дипломатами.

– Отлично: связь с иностранной разведкой налицо. А где она теперь?

– Не знаю, может быть, поёт в церкви, наверняка где-то работает; судя по виду, живёт бедно.

– Хорошо, ваше высокопреподобие, – издеваясь, произнёс куратор, – вот теперь хорошо. Вашу барышню мы найдём и сами.

Оперативник понял, что ставка, сделанная на обновленца, была ошибкой. Через два дня отца Иоанна Мальцева арестовали, ещё через две недели отправили в лагерь по маленькой ходке – всего-то на пять лет.

Лизавету Мишенникову задержали вечером после службы на тропинке, ведущей к вокзалу – рядом с тем местом, где в 1918 году её расстреливали. Подошёл человек в форме, сказал:

– Гражданка Мишенникова, следуйте за мной.

Лиза сразу поняла: беда!

Женская камера встретила её с любопытством. Не похожа ни на торговку, ни на фартовую, даже на обычную бабу не похожа: вся какая-то одухотворённая, одно слово – богомолка. За те почти 20 лет, что она не была в тюрьме, здесь мало что изменилось. По-прежнему в камере главная из блатных, основной контингент – несчастные женщины, которые совершили преступления против личности: убили мужей, сделали аборт. В фаворе в камере торговли и воровки: им всякие поблажки.

Лиза спросила насчёт свободного места.

– Нет, разве не видно? – деловито сказала старшая по камере. – Но для тебя найдётся под шконкой, залезай.

Первые ночи она ютилась на полу под кроватью, укрывшись какой-то ветошью – хорошо, что старшая приказала дать ей матрас, с ним не замёрзнешь. Потом в камере освободилась кровать, по-местному – шконка.

Прошла неделя, к следователю её не вызывали. Лиза уже начала думать, что у власти ничего на неё нет, но однажды из дверей прозвучало:

– Мишенникова, на допрос.

Допрос проводил следователь Суконкин. В тюрьме было известно, что он издевается над арестантами, пытая их водой. От такого пощады не жди. Впрочем, Лизавета была ко всему готова, ведь она страдает за веру. В этом дочь генерала была убеждена – больше арестовывать её не за что.

Но вместо расспросов на церковные темы следователь начал разговор о другом.

– Расскажите о вашем отце-генерале?

Лиза смутилась: откуда они это знают?

– Вы, наверное, меня с кем-то перепутали, – испуганно возразила она, – у меня нет никакого отца-генерала.

– Допустим, тогда расскажите о вашем знакомстве с американским послом. У нас есть сведения, что вы были не только агентом американской разведки, но и его любовницей.

– Это неправда, – всплеснула руками Лизавета, – он нанял меня учить французский.

– Ну вот и отлично, вы только что сознались, что происходите из дворян, учились в гимназии и хорошо знаете французский. Так? – закричал на арестованную следователь.

– Так, – чуть слышно пролепетала Лиза.

– Когда были завербованы американской разведкой?

– Я не была, я там случайно оказалась.

– Где «там»?

– В посольстве. Я на кухне работала, и меня один молодой дипломат увидел. Видимо, я ему понравилась, он спросил, умею ли я петь и играть на фортепиано.

– Так и запишем: свободно разговаривает на английском.

– Нет, мы говорили по-французски.

– Хорошо, по-французски. А как он узнал, что вы поёте?

– Наверное, услышал: я напевала, когда резала салаты.

– Что напевали, не помните?

– Почему же, помню, песню Сольвейг.

Произведение Эдварда Грига, сюита «Пер Гюнт», было очень популярно в мире, но, чтобы исполнить песню героини по имени Сольвейг, нужны были хорошие вокальные данные. Следователь Суконкин не мог это знать, но чутьё подсказало ему, что делать дальше.

– Прошу вас, напоите меня сейчас.

– На русском?

– Если вам не трудно.

Лизавета набрала воздуха, и комната утонула в звуках великой музыки:

– Зима пройдёт, и весна промелькнёт, и весна промелькнёт, увянут все цветы, снегом их заметёт, снегом их заметёт. И ты ко мне вернёшься – мне сердце говорит, мне сердце говорит. Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить, тобой лишь буду жить...

– Мне кажется, что вы учились в консерватории?

– Вовсе нет, брала частные уроки.

– Так, значит, вы подтверждаете, что происходите из богатой семьи, имеете образование, в том числе музыкальное.

– Это преступление?

– Нет, а вот сокрытие ваших биографических данных от следствия и отношения с американской разведкой – очень серьёзное преступление.

– Помилуйте, какое преступление – поговорить со старичком по-французски?

– Это вам кажется, вас использовали. Все дипломатические работники шпионят в пользу своих стран.

– И наши советские?

– Как вам будет угодно.

– Я не знала.

– Кого из жителей Вологды вы видели в посольствах?

– Никого.

– Опять врёте.

– Я не вру!

– А вот доктор Горталов показал, что много раз бывал в посольствах на вечерах. Вы знаете Горталова?

– Да, я у него лечилась, когда была беременна.

– Не валяйте дурака – запирается бесполезно.

Суконкин открыл папку, достал лист бумаги и прочёл:

«Кроме того, я был один раз приглашён на «файф-о-клок», т. е. на чашку чаю, где были все послы: английский представитель миссии Бо, французский Нюланс, итальянский граф де ля Торетто, сербский Сполайкович, японский представитель.

На этом вечере имелись суждения о том, что большевики продержатся несколько недель...»

– Вам достаточно? Эта беседа есть прямой контрреволюционный заговор, участником которого были и вы.

– Доктор тоже арестован?

– Да, и уже дал признательные показания, впрочем, вы всё слышали.

– Что же мне делать, я ни в чём не виновата, у меня дочь-подросток, муж умер.

– Успокойтесь, сейчас вас отведут в камеру, вы подумаете, мы ещё раз встретимся, и вы напишете признательные показания о своих делах в 1918 году.

– Меня помилуют по истечении срока давности?

– Возможно, но только при наличии чистосердечного признания.

Лизу отвели в камеру.

– Ну что, били?

– Нет.

– Что делала?

– Пела следователю песню Сольвейг.

– Чего?

– Музыка такая, композитора Грига.

– А, понятно, интеллигентские штучки, – с форсом заявила фартовая, – по мне так лучше песни про «лимончики» ничего нет. Эх, было время золотое, НЭП.

– Кому как, – вздохнула Лизавета и отправилась на шконку в свой угол.

Глава 6

В женскую камеру пожаловал проверяющий, представитель вологодской прокуратуры:
– Гражданки арестованные, есть какие претензии по содержанию, питанию, отношению?
– Ага, сейчас, расколись: ты выйдешь и уедешь, а мы останемся, тут нам всё и припомнят – и по содержанию, и по питанию, и по отношению. Последнее особенно. Нет уж, товарищ начальник, нас всё устраивает.

– Ну и отлично, значит, вопросов нет.

– Подождите, товарищ начальник, – Лизавета решила подать свой голос. – Нельзя ли организовать помывку арестованных? Вши заели.

– Что не так с помывкой? Положено раз в десять дней по тюремным правилам, – проверяющий строго посмотрел на начальника тюрьмы.

– Так нет тут никого, кто бы сидел десять дней, текучка: одни приходят, другие уходят – кто на этап, кто совсем. В таких условиях расход горячей воды считаю излишним.

Прокурорский, которому надо было следить за соблюдением прав граждан, оживился. Как раз тот случай, когда нарушение налицо и можно принять меры прокурорского реагирования.

– Категорически не согласен, требую установить график помывки, не связанный с наличием отдельных арестованных. Камеры должны быть отправлены в душ строго по этому графику – раз в десять дней, начиная с завтрашнего дня. Вам ясно?

– Так точно, товарищ прокурор, только это уже не тюрьма будет, а дом отдыха какой-то с трёхразовым питанием, койко-местом и душем.

– Выполняйте, – повысил голос представитель. Он был доволен собой. Никаких тебе жалоб на неуставные отношения, побои и прочее – чисто бытовой вопрос, который он блестяще решил. Об этом будет составлен рапорт, который уйдёт сначала прокурору Дрожжину, потом наверх, а может быть, попадёт к самому Вышинскому, генеральному прокурору, и станет примером в очередном докладе по соблюдению прав арестованных.

– Ну ты молодец, – закричали узницы Лизавете, как только дверь за проверяющим закрылась, – хоть кому-то повезёт с баней.

– Это Господь дал мне силы, – скромно ответила Лиза.

Не успели они обсудить поход в баню, как в камеру втокнули пожилую женщину. Она не могла стоять на ногах и упала прямо на пол. Новенькую обступили: не каждый день такое беспределство, чтобы человек на ногах не стоял.

– Ты кто, болезная?

– Жена доктора Кадникова, арестована вместе с мужем, статья – контрреволюционная агитация.

– Ага, враг народа, значит, – старшая хотела показать новой узнице, кто тут главный.

– Как вам будет угодно, я на всё согласна – скорее бы уж конец.

– А что так? Мы к Богу не торопимся.

– Они били меня ногами, я теряла сознание, они лили на меня воду и снова били. Мочи нет терпеть это.

– Эх, чуть бы раньше, пока прокурорский не ушёл.

– Ничего не надо, хочу побыстрее умереть.

Новенькую положили на шконку, раздели. Тело её представляло собой один большой синяк: видно, что били женщину наотмашь.

В камере был бачок с водой для питья; пострадавшую обмыли, как могли. К вечеру она смогла говорить.

– Нас с мужем арестовали за его политическую деятельность в прошлом. Он был кандидат в депутаты от Партии народной свободы.

– Помню я эти выборы, – поддержала разговор фартовая, – хорошее было время – 1917 год. Свобода, равенство, братство. Я хоть и юная воровка была, но отлично помню, что такое классовое сознание. Нас щадили, многим мелкие кражи просто прощали, а вот «контриков» карали нещадно. Был такой Кедров.

– Знала я его, – не удержалась Лизавета, – и Ревекку Пластинину тоже знала.

– А кто это? – удивились арестованные.

– Любовница Кедрова, они с ней вместе в Вологде революционный порядок наводили.

– Ну вот, – через силу продолжила Кадникова, – потом, после Октябрьского переворота, через какое-то время муж отошёл от активной политической деятельности; вы знаете, он же доктор, лечит людей – в этом его призвание. И тут вдруг арест. Прошло три недели с тех пор, как я его видела в последний раз.

– Это первый допрос? – спросил кто-то из сиделиц.

– Нет, допросов было несколько, сначала ко мне обращались вежливо, называли на «вы», я им поясняла, что вся политика в прошлом, мы лояльны к советской власти, мы уже пожилые люди и не можем даже в силу этого организовать какую-то контрреволюционную деятельность. Была надежда, что разберутся и нас отпустят, тем более, что муж работал в тюремной больнице и все его знают.

– Что же изменилось?

– Пришёл новый следователь, сначала наорал на меня, обзывал подлой фашистской подстилкой, требовал признаться и подписать протокол. Я отказалась, и тогда он начал меня бить: сначала руками наотмашь, потом, когда я упала с табурета, пинать ногами. Всё это продолжалось долго, очень долго: я больше не могла терпеть и подписала этот протокол.

– А что в нём, читала?

– Я не читала, у меня на глазах гематомы, ничего не вижу.

– Ну тётя, ты попала, – заметила фартовая, – надо читать, что подписываешь, – иначе нетрудно и под расстрел залететь.

– Мне уже без разницы, лишь бы не били. Теперь буду ждать суда – наверное, сошлют в Сибирь.

– Это в лучшем случае, – сказала фартовая.

На следующий день в камеру вошла надзирательница и приказала всем готовиться в баню.

Какое великое дело – горячая вода: помыть волосы, убрать с себя всю тюремную грязь.

– Строиться без одежды!

Арестованные послушно разделись, встали в ряд.

– Руки за голову, напра-во!

Их вели по тюремным коридорам в помывочную. Надзиратели смотрели на узниц и смеялись. Вот и камера-душевая. С потолка свисает несколько труб с расширителями.

– Вода пошла, у вас пять минут.

Из труб начали хлестать струи кипятка, но женщины, забыв об осторожности, заскакивали туда и тут же, чтобы не обвариться, спешили обратно, растирая грязь по телу, потом снова, чтобы смыть, что осталось, потом ещё раз – окатиться.

Вода кончилась неожиданно. Кому-то удалось поймать последние капли. Кому-то – нет.

– Выходи строиться, руки за голову.

Они стояли в линейку с распущенными мокрыми волосами, с тел женщин обтекали последние капли воды.

– Ещё претензии к содержанию есть?

– Никак нет, спасибо за баню.

В это время в помывочную зашёл следователь Суконкин, увидел голые тела, нервно рассмеялся. Вслед за ним зашёл начальник тюрьмы и ещё кто-то.

– Так, ты, ты и ты, – начальник тюрьмы ткнул пальцем в тех, что помоложе, – шаг вперёд, налево, за мной – шагом марш!

– Куда повели? – крикнула вслед фартовая.

– Знамо дело, куда: на осмотр к доктору на предмет венерических заболеваний.

Остальных арестованных тем же путём вернули в камеру, там они надели свою грязную одежду, вытряхнув из нее вшей.

– Хоть немного побудем чистыми.

Отделённую на «врачебный осмотр» группу вернули в камеру далеко за полночь. Узницы молчали, и только одна, с длинными распущенными волосами и горящим, как у Валькирии, взглядом, словно бы оправдываясь, говорила направо и налево:

– А мне понравилось, что такое, может, в последний раз.

– Вас чего, пользовали? – спросила фартовая.

– Да, сказали: «Чего добру пропадать».

– Этот следователь?

– И он, и начальник тюрьмы, и охрана – все по очереди.

– Ну теперь родите коммунистов, – хихикнула фартовая.

– Смеёшься, а мне впору повеситься, – ответила ей одна из поруганных молодых женщин.

– Ничего, переживёшь – и не такое случается!

Тихий город Белозерск на берегу одноимённого озера – колыбель русской государственности, заштатный городишко сначала Новгородской губернии, потом Ленинградской области, а теперь – вологодская глубинка.

Начальник оперативного отдела НКВД по району Иван Тимофеевич Власов мечтал о повышении. Ему хотелось переехать в Вологду и возглавить отдел в областном управлении органов государственной безопасности.

Начальник управления товарищ Жупахин обещал поддержку, но для этого просил постараться.

После истории с «медицинской комиссией» пытливый ум Власова стал придумывать, как увеличить количество арестованных по контрреволюционной статье за номером 58. В условиях маленького городишки и окружающих его сельских поселений найти врагов народа было нелегко. Власов снова собрал группу чекистов: наверху требовали неукоснительного соблюдения указаний ЦК ВКП(б) по борьбе с врагами.

– Товарищи, партия обращает внимание на некоторые огрехи в нашей с вами работе. Все материалы, которые идут в управление, проверяются органами прокуратуры и партийными представителями. У них не должно быть даже малейшего подозрения, что какие-то отдельные эпизоды приписаны обвиняемым, что плохо оформлены протоколы и мало конкретики. Я подумал и накидал стандартный протокол, которым следует пользоваться при составлении обвинительных документов. Особое внимание обращайте на связь обвиняемого с другими людьми, подозреваемыми в антисоветской деятельности: их надо связывать вместе, чтобы получалось не дело одиночки, а дело организованной группы.

– Ясно, товарищ Власов, разрешите приступать?

– Приступайте!

Группа сотрудников, сплочённая единой задачей и вдохновлённая решениями партии, несколько не сомневаясь в своей правоте, принялась за работу. Были составлены списки лиц, подлежащих аресту. Туда вошли граждане, имевшие в прошлом судимость, одиночники, те, кто имел «твёрдое задание» по налогу, ну и, конечно, бывшие кулаки из числа тех, кто остался на родной земле. Работа пошла. В день органы НКВД арестовывали до 40 человек. Взятый под

стражу попадал в полную зависимость от следователя. Тот, не имея часто никаких материалов, кроме справки из сельского совета, писал в протоколе всё, что ему вздумается.

– Всеми материалами дела вы изобличаетесь как японский шпион.

– Помилуйте, откуда?

– Ну как, вы воевали с Японией в 1905 году и были в плену.

– Это было тридцать с лишним лет назад, я был рядовым солдатом, нас таких тысячи.

– Вот именно вы и представляете реальную угрозу советскому строю. Настоятельно рекомендую во всём сознаться и подписать протокол. Этим вы получите шанс на спасение своей жизни. В противном случае, ваша участь не завидна: со шпионами советская власть не церемонится.

– Если я подпишу, мне гарантируют жизнь?

– Это решаю не я, а товарищ Жупахин, как председатель «тройки», которая занимается всякой контрреволюционной сволочью.

Когда арестованный подписывал протокол, бумагу отправляли в Вологду. Хорошо, если виновный был одиночкой, – тогда мог рассчитывать на вторую категорию и десятилетний срок. Но если он, купившись на обещания следователя, называл какие-то фамилии, дело из одиночки превращалось в групповое, ставившее целью уничтожение советской власти и её вождей, а это уже первая расстрельная категория.

Эта тема была особенно любима у белозерских следователей. Крестьянин из села Шолы Белозерского района обвинялся в подготовке покушения на товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, участвовал, по его признанию, в убийстве товарища Кирова. Абсурдное обвинение опиралось на «чистосердечное признание». Генеральный прокурор СССР Вышинский очень ценил этот аргумент на следствии. Человек сам признался – значит, виноват!

Ещё хуже было тем, кто в Гражданскую войну воевал против Красной армии: таких было много, особенно на севере, где армия генерала Миллера, недавно исчезнувшего во Франции, проводила мобилизацию. Одна фраза «воевал в армии Миллера» была путёвкой на тот свет. Казус был в том, что многие солдаты после распада фронта на Двине сдались красным, были прощены, мобилизованы и отправлены воевать в составе Красной армии на другие фронты. Однако клеймо миллеровца оставалось с ними на всю жизнь.

Тех, кто не желал подписывать обвинительный протокол, били. Власов с коллегами не знал жалости. Для истязания у него был припасён железный крюк.

– Сознаться, фашистская гадина, – кричал начальник сектора и коротким ударом бил арестованного крюком по голове.

Хлестала кровь, человек кричал дурным голосом, молил о пощаде, но было уже поздно. Власов, войдя в раж, бил ещё и ещё, а потом, засунув крюк в нос, рвал ноздри. Не отставали от него лейтенант запаса Ёмин, сержант Портной и другие. Бить велели всем – так сказать, коллективная порука. В завершение одного допроса Ёмин взял железный штырь и ткнул арестованному в оба глаза. От боли тот потерял сознание.

– Как, говорите, его зовут? – спросил Ёмин караульных.

– Василий Скворцов.

– Будет теперь Василий Тёмный – если выживет, конечно...

Молодой оперативник Анисимов, который высказал сомнение в методах расследования, был вызван Власовым в кабинет.

– Что, ручки боишься замарать, чистоплюй!

– Я не буду издеваться над незащитными людьми, это не по-советски.

– Значит, мы с товарищами применяем несоветские методы? А вот товарищ Сталин говорит, что к врагам народа и надо применять физическое воздействие: в буржуазных тюрьмах над коммунистами издеваются, чем мы ответим? Аналогичными методами!

– Но вина этих людей не доказана.

– Вот мы её и докажем. Ты, Анисимов, хлюпик, тряпка. Такие люди в органах – одна обуза. Вот, возьми и доведи дело до конца.

Власов открыл сейф, достал оттуда несколько паспортов.

– Всё это арестованные бабы, жёны и дочери врагов народа. Твоя задача – получить от них признательные показания. Садись и пиши протоколы, вот тебе черновик, добавь то, что считаешь нужным.

– Товарищ начальник, у них нет состава преступления, мне нечего писать.

Власов расшвырял:

– Партия нам диктует, что надо делать, и ты должен подчиняться решениям партии!

– Я против закона не пойду. Можете меня арестовывать, я скрывать ничего не буду.

Власов резко переменял тон.

– Ну, хорошо, я тебя отстраняю от этой работы, но ты должен подписать расписку о неразглашении.

– О том, как вы убиваете людей? Я это подписывать не буду.

– Смотри, сволочь, если прознаю, что ты говоришь про методы нашей работы, ужокошим тебя, как врага народа, без всякой жалости. Видишь? – Власов достал из-под стола железный молот. – Вот оно, оружие пролетариата, и от него нет спасения никому. Ты слюняй и тряпка, я лишаю тебя выплат «за особые условия работы». Ты недостойн высокого звания сотрудника управления государственной безопасности, поэтому пойдёшь в милицию постовым. И это тебе ещё повезло!

В тот день Власов особенно зверствовал. Были забиты до смерти трое арестованных. Их били крюком, молотом и тяжёлой железной чернильницей. Неподвижные тела спустили в подпол, а потом под покровом ночи вывезли за город в овраг и закидали снегом.

Василий Скворцов выжил под пытками, вынужденно подписал протокол и был водворён обратно в камеру для решения своей участи.

В Управлении НКВД по Вологодской области были очень довольны Белозерским отделом. Ещё бы – чекисты впереди всех по раскрываемости преступлений государственной важности.

Начальник Белозерского отдела товарищ Власов получил благодарность за подписью начальника управления Жупахина и с новыми силами продолжил борьбу с врагом.

Запах крови действовал на Ивана Тимофеевича опьяняюще. Ему нравилось видеть, как жизнь оставляет изувеченное тело арестованного. «Поделом, нечего запыряться: если бы всё подписал, умер бы лёгкой смертью».

«А почему лёгкой?». Эта мысль не давала покоя заведующему сектором. Смерть не должна стать избавлением от мук: она должна быть продолжением мучений.

По результатам командировки в Вологду Власов привёз приказ об исполнении высшей меры для семи десятков осуждённых по первой категории, тех самых бывших кулаков, еди-ноличников и миллеровцев, объединённых в одно дело как участников контрреволюционного заговора против советской власти.

Совещание было коротким.

– По указанию ЦК ВКП(б) и решению «тройки» нам надлежит привести в исполнение приговор. Исполнять будем холодным оружием.

Власов достал уже знакомый чекистам молот и новое оружие – большой топор.

– Репродукцию картины «Утро стрелецкой казни» видели? Будем искоренять зло, как в своё время Петр Первый. Убивать будем на кладбище, хоронить в безымянные могилы; сторож и курсанты, которые приехали на практику, их уже подготовили.

Чекисты возбуждённо зашумели: кто одобрительно, как Ёмин и Портной, кто настороженно – невиданное дело – средневековая казнь.

– Не дрейфь, братва! – крикнул Власов. – Где наша не пропадала! А чтобы поднять настроение и боевой дух, давайте выпьем перед работой.

К зданию отдела были поданы несколько саней. Из тюрьмы под конвоем доставили осуждённых. Они ничего не знали и шли спокойно; тех, кто не мог идти, вели под руки.

– Так, первая партия есть, – крикнул пьяным голосом Власов, – вяжи их, ребята.

Приговорённым связали руки, бросили вповалку в сани, прикрыли одеялами. Сверху сели чекисты. С весёлыми криками сани отправились в сторону кладбища.

Сторож уже ждал команду, на окраине было готово несколько ям. В жизни он видал всякое: кладбище было его работой. Он привык видеть ежедневно человеческое горе и очерствел душой, но такое даже ему пришлось увидеть впервые.

Пенёк от срубленного дерева подошёл на роль плахи. Дюжие мужики хватили осуждённых по одному и тащили к пеньку. Люди, поняв, что происходит, пытались кричать.

– Быстро руби ему башку, – командовал Власов, и один из чекистов бил топором по шее. Мастерству палача никто не учился, поэтому удары были неточными. Кровь лилась в разные стороны, в том числе и на форму сотрудников; некоторые осуждённые умирать не хотели, приходилось добивать их молотом. Тела скидывали в ямы.

– Следующий!

Убивать людей оказалось делом небыстрым и очень тяжёлым. Усталость заливали водкой. Первая группа палачей утомилась, пришлось вызывать подмогу – тех курсантов Ворошиловской школы, что были в Белозерске на практике. Для храбрости их тоже поили водкой.

– Не бойся, ребята, выполняем постановление ЦК ВКП(б), дело государственной важности.

Изуродованного, но ещё живого Василия Скворцова подтащили к пеньку.

– На колени, вражье отродье. Именем партии приговариваешься к смертной казни через отрубание головы.

– ААААА!

Удар – мимо, ещё один – голова болтается на жилах, но человек ещё жив, третий удар – и туловище, лишённое головы, сползает на землю.

– Тащи его в могилу, раз-два, кидай!

Расправа продолжалась три дня, пока весь список приговорённых не был исполнен.

– Товарищ начальник, надобно новую форму одежды выдать, – сказал сержант Ёмин Власову, – не отстирать от кровищи.

– Выдадим, Иван Андрианович, не беспокойся, – деловито ответил Власов, – мною уже дано распоряжение.

– А старую куда и шмотьё врагов народа?

– Всё сжечь.

Жители Белозерска знали о расправе, сидели по домам в страхе за свою жизнь, а когда над кладбищем поднялся дым от костра, где горели окровавленные вещи, поняли: злодеяние свершилось.

Сергею Георгиевичу Жупахину доложили о методах Белозерского отдела.

Он выслушал и покачал головой:

– Творческий человек оказался этот Власов, использует прогрессивные методы. Белозерская контра, если она ещё осталась, надолго запомнит акцию чекистов.

– А не перебор, товарищ майор государственной безопасности? – спросил заместитель Жупахина Грицелевич.

– Может, и перебор, но, как говорится, лес рубят – щепки летят. Впереди у нас много работы: область на хорошем счету в наркомате, лично товарищ Ежов интересовался, как дела в Вологодской области, подвести его не имеем права.

Глава 7

После истории с баней авторитет Лизаветы Мишенниковой в женской камере взлетел до небес. К ней обращались по полному имени, фартовая организовала хорошую койку рядом с собой в глубине камеры. Мужество, с которым Лиза вела себя с прокурором, поразило блатную.

– Слушай, это, давай знакомиться, что ли? – предложила она Лизавете.

– Зачем? Завтра утром охрана придет – и всё, больше никогда друг друга не увидим.

– Да ладно тебе, я теперь всем буду рассказывать, какие среди богомолков есть храбрые.

– Не стоит, я сделала, что могла.

– А вот другие не сделали: стояли с коровьими глазами и молчали, а ты – нет. Это и есть храбрость, уважаю. Меня Клава зовут – для своих, для всех – Клавдия Сумкина, для блатных – Клавка Убей мента.

– Как-как?

– У-бей мен-та, – по слогам произнесла Клавка.

– Правда, что ли, убила?

– Да нет, – хмыкнула фартовая, – вышли однажды на дело, а тут милиция, все с винтовками, а у нас, кроме ножей, ничего. Они давай нас крутить, а я и кричу напарнику: «Гришка, убей мента, он меня сейчас арестует!». Ну и привязалось, «убей мента», да «убей мента» – так и пошло. А ты-то, я слышала, из благородных?

– Ну какая я благородная – уборщица в конторе.

– Не верти, это сейчас, а раньше? Теперь все уборщицы да посудомойки, а копни поглубже – и такое ползет.

– Что «такое»?

– Контрреволюция!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.